

Искорка

1

ЗАСТАВА НА ГРАНИЦЕ

(Текст и фотоочерку
см. на 34 и 35 страницах)

2

3

№ 1

Год издания II

Январь 1958 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

С Новым годом!

НАШ ПРАЗДНИК

Пушай на улице мороз
И льдом покрыта Луга,
Пушай за окнами всерьёз
Разбушевалась вьюга, —

Встречаем в школе Новый год
Заслуженным весельем,
И вечер праздничный течёт
У нас ручьём весенним

Ребята в ёлку влюблены,
Вокруг жужжат, как пчёлы,
Ведь это праздник всей

страны

И праздник нашей школы!

Сергей МАКАРОВ

Средняя школа № 1
г. Кингисепп

Будет ёлка во дворе

Наигравшись, детвора
Собралась в углу двора.
Разговор про Новый год:
Маша с мамой в клуб идёт;
А братишки Миша с Костей
Уезжают к тёте в гости.
Коля с Аней говорят:
— Мы на ёлку в детский сад...
— Я в кино! — сказал Оплошкин.
И вздохнул курносый Лёшка:
— Я, наверно, никуда...
Папа с мамой, как всегда,
В Филармонию уедут,
Отдадут меня соседу,
И сосед меня опять
В семь часов уложит спать.

Проворчал Семён: — Беда!..
Разбежимся кто куда.
Этот — к тёте... Этот —
к дяде...

Ну, а ты куда, Аркадий?
Или, может быть, секрет?
Где ж Аркадий? —
Был — и нет!
Ищут по двору ребята:
Коля, Маша, оба брата,
Даже Компас сбился с ног,
Но найти никто не смог.

Разглядел один Оплошкин
Чьи-то тени за окошком.
С управдомом Кузьмичом
Кто-то спорит. Но о чём?!

Вот бы физике назло
Пропускало звук стекло!

...Десять дворников с утра
Встали в круг среди двора.
Десять новеньких лопат
В двадцати руках скрипят.
Взмах! Другой! — и снега нет.
Двор надраен, как паркет!

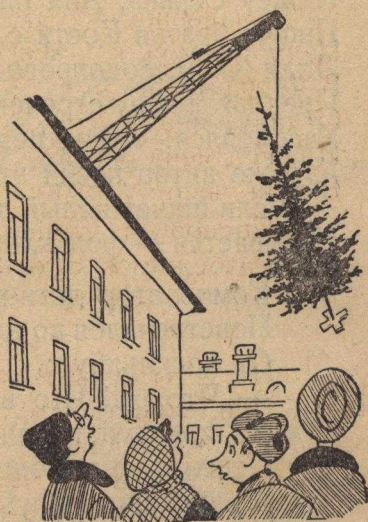
Удивляются жильцы —
Мама, бабушки, отцы:
— Что случилось, не поймём?

Отвечает управдом:
— Знать хотите? Не секрет —
Перепуткина проект:
Сделать нашей детворе
Праздник ёлки во дворе!

...Ходит пара по базару,
Прицениется к товару,
Выбирают не спеша:
— Как вот эта?
— Хороша.
Продавец спросил с участием:
— Не порезать ли на части?..
...Удивляется народ:
Ёлка по небу плывёт!
Через улицу, над садом,
Для ребят — с доставкой на дом.

На друзей лукаво глядя,
Задаёт вопрос Аркадий:
— Кто желает нам помочь?
Все сказали: «Мы не прочь!»
Заявили Миша с Костей:
— Мы не едем к тёте в гости!
Крикнул Сенька:
— Решено!
Не пойду и я в кино.
Управдом сказал: «Ребята,
Спросим мнение вожатой».
А вожатая в ответ:
— Вашей ёлки в плане нет!
Это глупый разговор,
Здесь у вас внешкольный двор.

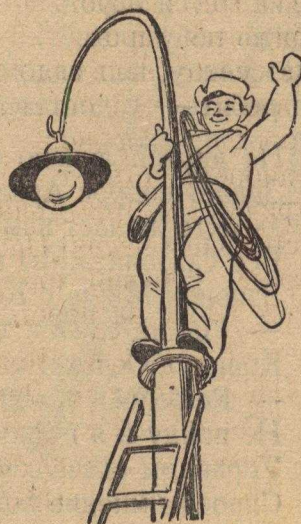
И вздохнули оба брата:
— Трудно будет без вожатой,
Но ещё трудней без песни —
С песней праздник интересней...
Усмехнулся управдом:
— Песню как-нибудь найдём!
Дом велик! Кого в нём нет!
Вон окно — живёт поэт.
Композитор тоже есть:
Корпус два, квартира шесть.

Улыбается поэт,
Приглашает в кабинет.
— Вам стихи?.. Но я сейчас
Книжку делаю для вас.
Занят сутки напролёт!
Загляните через год...
Все друзья удивлены,
Все друзья огорчены,
Вышли, слова не сказав,
Только Компас тявкнул:
— Гав!

...Звёзды на небе горят,
Во дворе стихи творят.
Десять дворников с азартом
Ищут рифму к слову «парта».
Пишет Сенька, Аня пишет,
Пишут братья Костя с Мишей.
Дядя Клим, водопроводчик,
Предлагая пару строчек,
Рассмеялся: «Ишь, поэты!
Кто же автор песни этой?»
— Если пишет целый двор,
Называется — фольклор!

Композитор детворе
Повстречался во дворе.
Он воскликнул:
— Что вы! Что вы!
И, пожалуйста, ни слова!
Песен я не выношу!
Я симфонии пишу!
Стало тихо. Вдруг друзья
Слышат голос: «Так нельзя!»
На столбе монтер сидит,
Со столба во двор глядит.
— Так нельзя! Ведь песня —
друг.

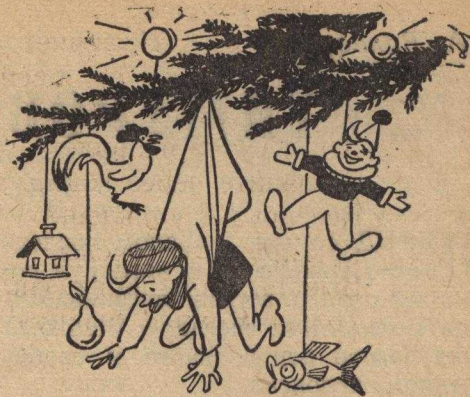
Песню любят все вокруг.
И добавил он сердито:
— Я хотя не композитор,
Всё же музыку к утру
На баяне подберу.
Будет песня, как часы!
И не вешайте носы.
Быстро к ёлке, детвора!
Украшать её пора.

Едет Лёшка на запятках,
Погоняет: «Но, лошадка!»
Тащит Компас целый воз:
В санках дождик он привёз.
Это дождик не простой,
Это дождик — золотой!

Притащили оба брата
Два пакета белой ваты.
— Вместо снега, —
говорят.
То-то смеха у ребят!

— Вам поднять парашютиста?
Это я сумею быстро! —
Парашют спустился вниз,
А Семён вверху повис.

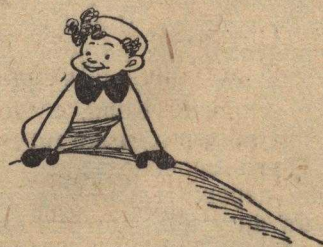
Новый год! Новый год!
Собирается народ.
Ёлка светом залилась,
Словно радуга прошлась.
Шире, шире хоровод!
Во дворе баян поёт.
И кричит, смеётся Маша:
— Это наша песня! Наша!!!
Зазвенел ребячий хор —
Рвётся песня на простор.

— Ты чего ж к земле прирос?
Ну-ка спляшем, Дед Мороз!
Топнул дедка раз — другой,
Встал на бороду ногой,
Покатился кувырком,
Превратился в снежный ком.

Десять дворников спешат,
Дружно деда ворошат,
Шубу тащат кто куда...
Показалась борода,
А за ней из рукава
Лезет чья-то голова.
Насмешил друзей до слёз
Перепуткин — Дед Мороз!

А в сугробе у дорожки
Больше всех доволен Лёшка.
— Вот смешные папа с мамой!
До сих пор сидят упрямо
В Филармонии своей...
А у нас-то веселей!

Рисунки М. Бекташева

ТИМУРОВСКОЕ ОКО

РАССКАЗ

ПЕРЕД самым началом последнего урока в класс заглянул вожатый отряда восьмиклассник Миша Бронин. Как всегда, у него был вид чем-то недовольного и озабоченного человека.

Увидев группу ребят, шумно обсуждавших результаты вчерашнего хоккейного матча, он крикнул в приоткрытую дверь:

— Эй, чемпионы, кто здесь есть из активистов-тимуровцев? Коля Орлов тут?

Несмотря на то, что у вожатого был сильный, зычный голос, ему пришлось дважды повторить свой вопрос. Наконец от возбуждённой группы болельщиков нехотя отделился круглолицый, румяный пионер.

— Я здесь. А что надо? — сказал он, не спеша подходя к вожатому.

— Вот какое дело, Орлов... — начал вожатый и бегло оглядел Колю, словно оценивая его внешний вид. — Принимай срочное поручение. После уроков отправись в районный ДПШ и свезёшь наш проект инструкции по тимуровскому ОКО. Понятно?

Вожатый вытащил из кармана несколько свёрнутых в трубку листов бумаги и протянул Коле Орлову:

— Вот! Сразу же из школы. Нигде не задерживаясь. Ясно? У них в ДПШ в пять часов совещание по этому вопросу. Я ещё вчера обещал прислать, да не успел...

— Значит, и домой не заходить? — спросил Коля.

— Ну, конечно. Я же тебе и говорю... Очень срочное дело.

Коля нерешительно переступил с ноги на ногу и посмотрел на носки своих ботинок, словно надеясь найти там решение своего сомнения.

— Мать будет беспокоиться, — сказал он. — Она очень забеспо-

коится, если я сразу не приду. Она всегда...

— Вот чудик! — перебил вожатый. — Ей-богу, как маленький!.. Ну, позвони домой по телефону и вся недолга!

Зимний ленинградский день был сумеречным и вьюжным. Ладога дышала порывистым, холодным ветром. На перекрёстках улиц ветер гулял сквозняком, и казалось, что, куда ни повернись, он отовсюду бросит в лицо колючие хлопья снега.

Зябко поёживаясь, Коля добежал до угла. Здесь находилась будка телефона-автомата. Увы, она была занята офицером. Около будки стояли три человека, ожидая очереди.

В тот момент, когда Коля раздумывал, что же ему теперь делать, офицер окончил разговор, повесил трубку и толкнул дверь, выходя из кабинки.

Решение пришло мгновенно. Быстрым движением Коля втиснулся в щель приоткрытой двери.

— Позвольте мне, одну минуточку... — пролепетал он с мольбой в голосе.

Нос его сразу сморщился, а губы надулись в плаксивой гримасе, и на лице появилось страдальческое выражение.

— Позвольте позвонить... Я быстро... Сестрёнка заболела... маленькая... гриппом... Честное пионерское слово!...

— Эй, паренёк! Непорядок! В очереди! — крикнули рассерженно сзади.

— Пускай пройдёт! — сказала стоявшая впереди женщина. — У мальчика кто-то из родных заболел...

А Коля тем временем, сунув в щёлочку автомата пятнадцать копеек, уже торопливо набирал нужный номер.

Матери дома не оказалось, и к телефону подошла младшая сестрёнка.

— Эй, Люська! Это я! Я!.. — говорил Коля приглушённым голосом. — Передай маме, что задержусь. Пионерское поручение, важное и срочное, понимаешь?! Ну, да! Везу в ДПШ инструкцию по тимуровскому ОКО. Не понимаешь? Я говорю — ОКО. Что значит ОКО? Ох, и глупая ты, Люська, как пробка! ОКО — это отношение к окружающим. Составь вместе заглавные буквы и получится ОКО. ОКО — это, сокращённо. Ну, поняла теперь, дурёха? Внимательное, заботливое, чуткое отношение к окружающим. Ясно? Ну, ладно, некогда мне тут с тобой рассусоливать. Буду дома через полтора часа. Пока!

Он торопливо и неловко выскочил из кабинки. Стоявшая в очереди женщина хотела посторониться,

но не успела. Её больно ударило дверью по руке. Женщина испуганно выронила авоську, и по тротуару покатались в разные стороны картошины.

Коле некогда было извиняться, некогда помогать. Надо мчаться бегом. Скорей! Поручение срочное! Впрочем, он что-то буркнул нечленораздельное. Но это ничуть не походило на извинение. Скорей это было выражение недовольства: «Картошка... чёрт... чуть не поскользнулся... безрукие... ноги сломаешь...»

Как назло, всё задерживало в дороге. Всегда уж так получается, когда человек торопится. У бульвара Коля столкнулся с катавшимся на коньках маленьким мальчишкой. Столкновение было столь неожиданным и сильным, что Коле пришлось схватиться рукой за дерево, чтобы не упасть, а мальчонка — его словно сдуло ветром — шлёпнулся плашмя в рыхлую кучу снега и закопался в ней. Когда же он поднялся и стал, отряхиваясь и отдуваясь, искать слетевший с ноги конёк, Коля увидел на щеке

мальчонки большую кровавую ссадину. Конькобежец озабоченно шмыгал носом и, кажется, готов был заплакать.

— Раззява! — заорал на него рассерженно Коля. — Ворона! Не видишь, куда едешь! Вот как дам сейчас!..

Мальчонка испуганно схватил найденный конёк и, припадая на одну ногу, поспешно заковылял по бульвару.

— Шляпа! Балбес! — продолжал ругаться Коля, грозя кулаком вдогонку удиравшему мальчонке.

Внимание Коли было так поглощено этим происшествием, что, переходя улицу, он снова чуть не столкнулся, но теперь уже с инвалидом. Тот был в чёрных очках. Держа в руке металлическую палку и нетерпеливо позвякивая ею по краю тротуара, он приговаривал:

— Граждане, будьте столь добры, переведите через дорогу слепого. Будьте добры!..

Продолжая негодовать на маленького конькобежца, Коля обошёл стороной слепого и помчался к автобусной остановке.

Посадка была трудная. Коля без очереди влез в переполненный автобус, и так как ему надо было вскоре выходить, он стал протискивать-

ся решительно вперёд, нетерпеливо и бойко расталкивая локтями пассажиров и наступая им на ноги. Он действовал довольно бесцеремонно, потому что его уже всё раздражало. Он злился на этих людей, как будто они были виноваты в утомительной спешке, давке и толчее.

— Слушайте, молодой человек! Надо немножко полегче! — укоризненным тоном заметила полная женщина. — Нельзя же, друг мой, лезть напролом!..

— А вы сами виноваты, тётя! — зло буркнул Коля. — Заняли весь проход... Вон вы толстая какая!..

— Ты к тому же ещё и дерзок! — недовольно заметила полная пассажирка.

— А вы пропустите!.. — упрямо толкал её Коля. — Ну встали, как тумба какая!

— Эй, парень! — постучал ему по плечу пожилой коренастый мужчина. — Ты что здесь хамишь?! Влез в автобус штопором, без очереди, да ещё хулиганишь!..

У коренастого мужчины был высоко поднят воротник пальто и из-под него торчали вверх кончики колючих рыжих усов. Когда гражданин говорил, они забавно двигались: вниз-вверх, вниз-вверх.

Коля взглянул на эти усы и зло огрызнулся:

— Я вас не трогаю... Чего вы пристаёте? Ещё по плечу бьёт! Тоже!

— Ну и молодёжь нынче пошла! — сокрушённо вздохнул старичок в форме железнодорожника. — Им слово, а они тебе — десять!

Коле удалось протискаться вперёд. От толчеи, спешки и волнения он так устал, что решил хоть где-нибудь примоститься и минутку посидеть. Ему посчастливилось. У двери неожиданно освободилось место, и Коля ринулся к нему с такой стремительной быстротой, что две претендовавшие на это место женщины в удивлении развели руками: «Прыток, дескать, паренёк, ничего не скажешь!»

«Хорошо тут у кабинки, тепло» — только и успел подумать Коля, как

услышал над головой резкий голос рыжеусого гражданина:

— Расселся, как вельможа!.. А женщины стоят! Встань сейчас же!

— Ну и встану! А вы не кричите! Подумаешь! Испугался! Как же! Вот ещё! — повторял Коля, кидая на усатого гражданина сердитые взгляды.

Дверь открылась на остановке. «Надо вылезать!» — спохватился Коля. Он первым бросился к выходу и бок о бок столкнулся с усатым гражданином, но ловко опередил его. Выскочив на тротуар, Коля обернулся и, не скрывая злорадства, крикнул:

— У! Задвигал усищами, как таракан! — И бросился, опасаясь погони, полным ходом вперёд. Он не знал — слышал ли гражданин адресованную ему оскорбительную грубость.

Было без четверти пять. Тимуровский специальный курьер успевал точно в срок. Через десять минут он сдаст на обсуждение инструкцию о тимуровском отношении к окружающим. В ней более сорока пунктов. И кажется, предусмотрены все случаи, когда истинный рыцарь-

тимуровец с должным сердечным участием может проявить заботу о человеке и оказать ему посильную помощь и поддержку. На то оно и существует — это око — синоним тимуровского глаза. Ведь тимуровский глаз не имеет права дремать. Он должен быть неусыпным, бдительным, внимательным и зорким...

— Эй, внучек! — раздался рядом с Колей дребезжащий старческий голосок. — Не знаешь ли, мил дружок, как мне на Выборгскую сторону попасть? А? Заплутала я совсем тут, потерялась старая...

Перед Колей была сгорбленная старушка. Она безуспешно пыталась продеть руку в лямку заплочного мешка. Он был тяжёл и сползал на сторону. Старушка громко вздыхала над своей непосильной ношей.

— Куда? На Выборгскую? — переспросил рассеянно Коля и прибавил равнодушно: — Да ну вас, бабушка!.. Долго рассказывать... Я тороплюсь. Спросите у постового милиционера.

Энергично и сильно дёрнул к себе массивную дубовую дверь Дома пионеров и, услышав многоголосый весёлый говор ребят, живо взбежал по ярко освещённой мраморной лестнице.

— Где здесь заведующий массовым отделом? — обратился он к дежурному пионеру.

Оказалось, что заведующего нет. Но с минуты на минуту он должен прийти. Его уже ждёт целая компания людей.

Коля разделся в гардеробе, погулял по нарядным залам, поболтал со знакомыми ребятами, а когда вернулся в вестибюль, узнал, что заведующий уже пришёл. Дежурный указал его кабинет.

В большой комнате набралось много народу. Все сидели вокруг стола и молча слушали человека, который, наклонившись над нижним ящиком стола, рылся в нём. По-видимому, это и был заведующий.

— Обсудить и утвердить инструкцию о тимуровском поведении — это только полдела, — говорил заведующий. — Несомненно, что ребята будут её знать, выучат назубок, как говорится, вызубрят... Но западут ли эти правила поведения глубоко в ребячьи сердца? Станут ли тимуровцы истинно благородными рыцарями не на словах и не на бумаге, а на деле — в любых условиях, в любой обстановке?

Человек, говоривший всё это, поднял голову, и Коля увидел чуть

вздёрнутые вверх кончики колючих рыжих усов.

«Ой! Таракан!» — пронеслось в голове у Коли, и он почувствовал, как всё внутри его похолодело.

Он готов был сейчас пренебречь любым поручением, только бы не оставаться на месте, а бежать, бежать отсюда без оглядки.

Но пути к отступлению были отрезаны. Колю заметили. Как сквозь сон, он услышал обрадованный, удивлённый и насмешливый голос:

— Верно говорят: на лосца и зверь бежит! Вот он, голубчик! Сам пришёл! А я-то помянул его недобрый словом! Будто мотылёк прилетел на огонёк! Нет, в самом деле, какими судьбами? Силы небесные!.. Да у него на груди тимуровская звезда! А ну, подойди сюда злосчастный горе-тимуровец... Я тебя сейчас всем представлю...

Коля с места не шевельнулся. Он с тоскливой надеждой смотрел на заснеженное окно, словно ожидал оттуда спасительной помощи и защиты. Но на пустынной завьюженной улице было сейчас так же темно, холодно и неуютно, как и на сердце у злосчастного горе-тимуровца.

НЕКОГДА!

(Шуточная песенка для голоса с фортепьяно)

Музыка и текст Н. САДОВОГО

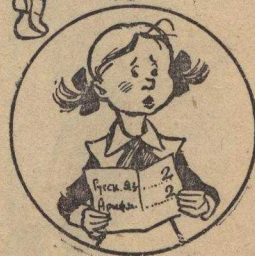
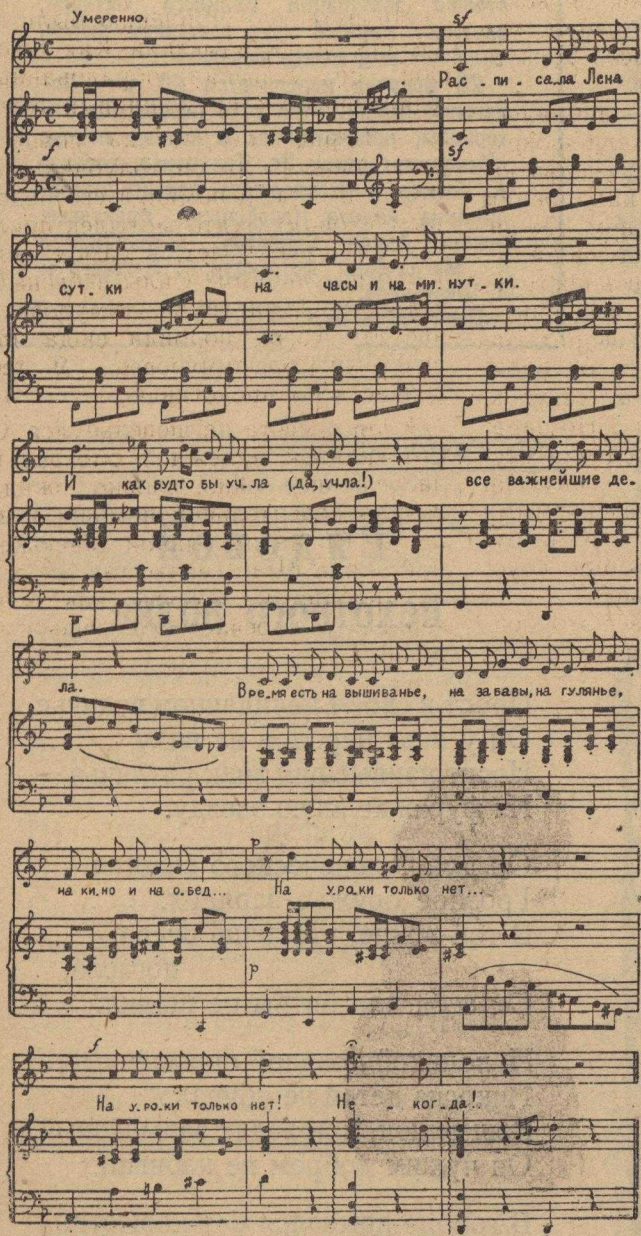
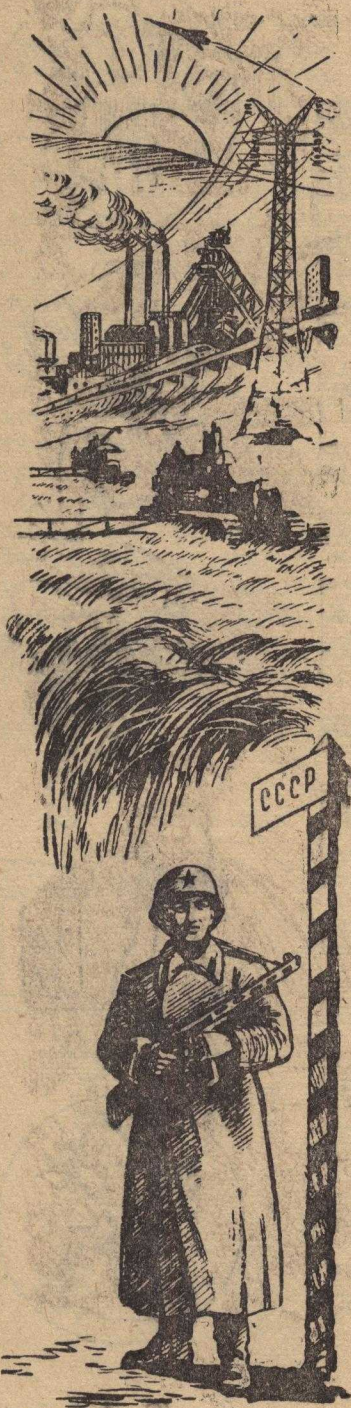

Рис. Ю. Лобачёва

В ОГНЕ битв с врагами родилась наша родная Советская Армия. Не раз давала она отпор захватчикам, нападавшим на страну Советов. Зорко стоит она на страже завоеваний Великого Октября, охраняет мирный труд советских людей, охраняет мир между народами.

23 февраля исполняется 40 лет Советской Армии. Этой дате посвящены материалы, напечатанные в первом номере «Искры»: стихи Эд. Талунтиса, рассказ А. Саенко о бессмертном подвиге пограничника Андрея Коробицына, фронтовые очерки Арифа Сапарова, воспоминания Л. Маграчёва, фотоочерк Г. Лугового и Л. Шестакова.

Прочитайте их.

Эд. Талунтис

Рядовой пехотного полка

Прост в своём невиданном величье,
Он у всех народов на виду
Носит наивысший знак различья —
На фуражке алую звезду.

Он для человеческого счастья
Грозное оружие зарядил.
В той войне, что лишь вчера
погасла,
Он себя для битвы не щадил.

И, великой правдой окрылённый,
Никогда детей не убивал.
Вещмешок, в походах запылённый,
Он чужим добром не набивал.

В города врвался без корысти.
Словно знамя, в праведном бою
Нёс он незапятнанной и чистой
Славу легендарную свою.

И на дальнем острове Таити
И в селе французском Домреми
Именем святым «Освободитель»
Назван воин честными людьми.

И навек запомнила планета,
Что в годину трудную она
И его шинелью обогрета
И его оружием спасена.

Светлый взгляд,
Пытливый ум стратега,
Труженика сильная рука.
Это он — большая совесть века,
Рядовой пехотного полка!..

...Вдоль стены шагает молчаливо,
Расстегнув подсумок на боку,
Новичок последнего призыва,
Ласково обученный в полку.

Замедляет шаг на повороте,
Вновь идёт до врытого «грибка» —
Наш товарищ по стрелковой роте,
Рядовой пехотного полка.

Не слышал он посвиста шрапнели
И не брал в атаке вражий дот,
Но в своей немаранной шинели
Символом прошедшего идёт.

Тают тучи в синем небосводе.
Светлый дождь проходит стороной.
И спокойно солнце в небо всходит
За его широкою спиной.

Прост в своём невиданном величье,
Он у всех народов на виду
Носит наивысший знак различья —
На фуражке алую звезду.

Рис. А. Илючека

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ ПОГРАНИЧНИКА

НОЧЬ. Кругом кромешная тьма. Холодно. Дует пронзительный ветер. По длинной, извилистой дозорной тропе вот уже в который раз твёрдым и размеренным шагом идёт красноармеец Андрей Коробицын.

Граница здесь тянется вдоль быстрой, неглубокой речушки. Она змейкой петляет и извивается меж болот, лесов и полей. Отсюда рукой подать до Ленинграда. Поэтому здесь иностранная разведка не раз бросала через границу своих лазутчиков.

Энергичный, расторопный паренёк Андрюша из деревни Куракино, что затерялась в вологодских лесах, второй год служил на заставе. Он был в числе лучших пограничников, но не зазнавался. Ему хотелось, чтобы все красноармейцы были отличниками. Бойцы относились к Андрею с большим уважением, любили его, как хорошего товарища, весёлого гармониста и в то же время великолепного сапожника. Выдержанный, умевший заразительно смеяться, Андрей готов был в любую минуту прийти на помощь товарищу, подбодрить словом, а где надо — и помочь делом.

На границе он знал каждый камень и куст. Его считали, несмотря на молодость, бывалым, опытным и закалённым пограничником. Уже не раз приходилось Коробицыну встречаться с нарушителями границы. За три последних месяца он прикомандировал на заставу троих вооружённых разведчиков из банды профессионального английского шпиона и резидента Пекконена.

В ТЕ годы Пекконену явно не везло: в жарких схватках с советскими пограничниками убывали его кадры. Это бесило, приводило в ярость Пекконена. Он всячески изворачивался, чтобы оправ-

даться перед своими хозяевами за понесённые потери. Сам рвался в Ленинград, но лондонский шеф не разрешал ему идти на явный риск.

— Немного потерпите, — неторопливо поучал шеф Пекконена. — Вам поручается серьёзное дело. Большевики в ноябре отмечают десятилетие своей власти. Знаете? Хорошо. В Ленинграде состоится торжественное заседание сессии ЦИК СССР. Там будет всё московское правительство. Надо кое-кого убрать. — Шеф выразительно щёлкнул пальцами. — Словом, испортить им праздник. Вам ясно, что от вас требуется?

Пекконен по-военному щёлкнул каблуками и, вытянувшись в струнку, ответил:

— Так точно!

Шеф вскинул голову, улыбнулся оловянными глазами:

— Тогда срочно готовьте террористическую группу для заброски в Ленинград. Возглавьте её сами.

Пекконен кивнул.

— Вам хорошо заплатят, — пообещал шеф.

С того дня Пекконен неделями не уходил с границы. Как зверь, притаившись в кустах и не двигаясь, он целыми днями не отрывал глаз от линии границы, внимательно наблюдал за нашей стороной, изучал службу советских пограничников.

Опытный бандит искал способа обмануть пограничников и проскользнуть незамеченным в нашу страну.

С НАПРЯЖЕННЫМ вниманием, вслушиваясь и вглядываясь в ночную тьму, Андрей Коробицын осторожно, без единого звука, приблизился к полуразрушенному сараю. Он осмотрел его, повернул обратно и пошёл на левый фланг участка заставы.

В это время на противоположном берегу речушки, слившись с землёй, бандиты с нетерпением выжидали удобной минуты. Их было четверо. Они были до зубов вооружены. Главарь, шайки Пекконен ещё раз проверил по часам, сколько минут остаётся «открытой» советская граница, пока пограничник с фланга снова не возвратится к сараю. Вот в эти минуты шпионы-диверсанты и попытались прорваться через границу. Они вброд тихо перешли узкую речушку и залегли у сарая. Стали ждать подходящего момента, чтобы скрыться в лесном массиве, а оттуда пробраться в Ленинград.

Начинался медленный рассвет. Серебристым инеем покрылась земля, пожелтевшие и опавшие листья, трава. Утих ветер. Но от предутреннего влажного холода знобило. На востоке на тёмно-синем небе загорелась жёлто-розовая узкая полоска утренней зари. День предвещал быть солнечным.

Андрей Коробицын, маскируясь, возвращался к одинокому сараю, чтобы снова его осмотреть, проверить. Несмотря на сильную физическую усталость, боль в глазах, воин не ослаблял бдительность, он напряжённо всматривался в сумрак.

Вдруг Андрей Коробицын увидел, как впереди его, словно из-под земли, во весь рост встало три человека. Они с оружием в руках пошли прямо на пограничника.

— Стой! Руки вверх! — негромко, но властно крикнул Коробицын. И перед нарушителями блеснула сталь штыка винтовки, мгновенно вскинутой Коробицыным.

— Бросай оружие! Сдавайся, иначе в два счёта прикончим! — озлобленно закричал здоровенный, широкоплечий мужчина. Лицо его было отвратительно, серые, собачьи, глаза навывкате. На пограничника были направлены три английских пистолета. Встретившись лицом к лицу с врагами, Андрей Коробицын не струсил, а молча и хладнокровно вступил с ними в неравный бой.

Тишину наступившего утра нарушили гулкие винтовочные выстрелы. Первая пуля, посланная молодым бойцом, сразила одного из бандитов.

Враги не ожидали такой встречи и на минуту пришли в смятение, а затем, беспорядочно отстреливаясь, стремглав кинулись к сараю. Укрывшись за его стенами, бандиты открыли по Коробицыну сильный огонь.

Долго продолжался неравный поединок пограничника с матёрыми разведчиками. Коробицын почувствовал сильную боль в ноге. Это четвёртый бандит кустами пробрался к нему сзади и выстрелил почти в упор. Раненый Андрей упал на колени и, преодолевая жгучую боль, продолжал вести бой с врагами. Вот он прицелился в громадного мужчину, злобно и яростно кричавшего, и выстрелил раз, другой... Рыжий верзила, главарь шайки, громко выругался, пошатнулся и медленно свалился в кусты. Бандиты ещё яростнее стали стрелять. Четыре вражеские пули впились в тело пограничника. Андрей Коробицын, сжав челюсти, напруг последние силы, перезарядил винтовку и ещё раз с трудом нажал на спусковой крючок.

Не выдержав меткого огня смело-го пограничника, шпионы подхватили своего главаря и бежали с советской земли.

Подоспевшие с заставы пограничники нашли своего отважного друга окровавленным и ослабевшим. Вокруг валялись отстреленные гильзы. Андрюша был ещё жив. Его правая рука крепко держала винтовку. Он открыл помутившиеся глаза, оглядел товарищей и хриплым голосом спросил:

— Не прошли гады?

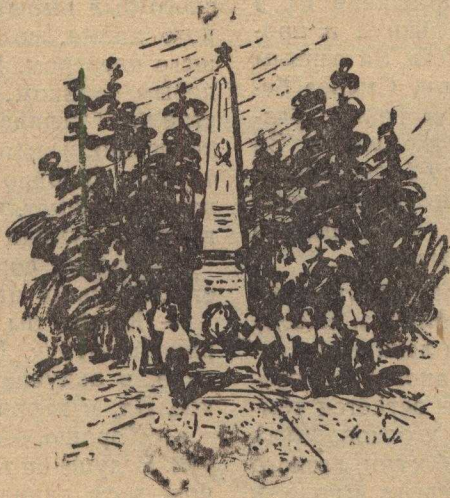
— Нет, Андрюша, нет! Ты действовал героически, — сказал начальник заставы, перевязывая его раны.

— У пограничника на мгновение вспыхнул в глазах огонёк.

— Моя совесть перед вами чиста.

Это были последние слова комсомольца Андрея Коробицына. Не приходя в сознание, он через два дня скончался от тяжёлых ран в военном госпитале.

ЭТО было тридцать лет назад. Весть о подвиге на границе сына крестьянина-бедняка из Вологды разнеслась по всей Отчизне. Со всех концов страны в родное село Коробицына и на заставу, где служил герой-комсомолец, шли письма. Рабочие и крестьяне призывали своих сынов зорко стоять на страже великих завоеваний Октября. На заставу, не дожидаясь призыва в Красную Армию, добровольно пришёл служить племянник Андрюши — Миша Коробицын.

Имя Андрея Коробицына было присвоено заставе, где он служил, и навечно занесено в списки личного состава. По ходатайству трудящихся Куракинский сельсовет переименован в Коробицынский, а его центр — родное село Андрюши — в Коробицыно. Именем героя в Вологодской области названы многие школы, пионерские отряды и дружины. Поэты написали об отважном пограничнике поэмы и стихи, художники — картины, советский народ сложил песни.

В городе Сестрорецке на красивом песчаном холме, в окружении вечнозелёных молодых сосенок, стоит памятник из тёмно-серого гранита. На нём золотыми буквами начертано:

«Здесь похоронен герой пограничник А. И. Коробицын, погибший в борьбе с врагами Советской Родины!»

А совсем недавно на границе Сосновского и Всеволожского районов — на месте старой государственной границы, где Андрей Коробицын разгромил банду террористов, открыт памятник-obelisk герою-комсомольцу. На сером граните золотом высечены слова:

«Здесь 21 октября 1927 года пограничник Андрей Коробицын совершил героический подвиг, защищая границу СССР».

На коробицынской заставе свято хранят память об отважном сыне советского народа. Многие солдаты и сержанты заставы стали достойными наследниками его боевой славы.

О мужестве, о верности, о долге

Рубеж Заходского

Седьмая рота занимала рубеж обороны по клеверному полю. Всю ночь бойцы не смыкали глаз, работая лопатами. Курили в кулак, разговаривали вполголоса — противник был совсем близко.

Ночью бойцов обходил политрук роты. К Заходскому на правый фланг он явился под утро.

— Ну, как чувствуешь себя?

— Ничего, — вяло ответил Заходский.

— А второй номер где?

— За патронами пошёл.

Разговор не клеился, и они замолчали, думая о своём. Окоп Заходского был вырыт на гребне невысокого холма, со всех сторон заросшего клевером. Белые с тонким медовым запахом цветки клевера так странно выглядели рядом с чёрной, поспешно вырытой ямой, из которой торчал, холодно поблёскивая, станковый пулемёт, что оба, не сговариваясь, подумали об одном и том же.

Заходский сорвал цветок, растёр его сильными пальцами.

— Косить бы самое время, товарищ политрук. В эту пору мы, бывало, в аккурат собирались на покос. Эх, и хорошо!

— Хорошо, — согласился политрук. В душе он тоже был крестьянином, хотя давно не жил в деревне. Слова Заходского пробудили в нём далёкие воспоминания, растревожив

ЕЩЁ бесформенные ночные тени прячутся в низинах и сырой прохладой веет от тёмной громады леса, но уже мелькнул первый неуловимый луч солнца. Пробежав по верхушкам сосен, окрашивая их в розовый цвет, он мелькнул и пропал, будто и не было его. За первым появляется второй луч. Смелее бежит он над лесом, увереннее разглядывает притихшую землю. За ним летит третий, ещё более яркий, и вот уж проснулся тёмный лес, зашелестел ветвями, и запылали сосны багровым пламенем.

Всё веселее разгорается это пламя. Теперь и белые облачка, высоко в небе плывущие над ленинградскими пригородами, становятся розовыми, и всё меньше остаётся тёмных, неосвещённых уголков, куда ещё не проникли отблески лесного зарева. Влажные клевера в поле, и те охвачены огнём, каждая росинка, словно маленькая капля пламени.

душу. От этого или потому, что утро было светлым и чистым, политрук молча обнял Заходского.

Они закурили, свернув сигарки из неподатливой газетной бумаги. Потом политрук вынул из кармана гимнастёрки письмо дочки со смешными детскими рисунками — квадратный, весь из кубиков, боец поделился во что-то, а во что — не было видно: не хватило места на страничке.

Возвратился навьюченный патронными коробками второй номер, рябой и словоохотливый украинец Опанасенко. Смеясь, он стал рассказывать про старшину, снова не успевшего получить сухой паёк, но Заходский сердито оборвал своего помощника:

— Помолчи ты, Степан!

Опанасенко сконфуженно прервал свой рассказ. И как раз в этот миг загрохотали вражеские пушки. Снаряды шелестели над головами бойцов, разрывая воздух с надсадным хрустом, а вслед затем раздался стонущий грохот разрывов.

Очарование тихого июльского утра исчезло, как сон. Начинался бой, ещё один страшный бой.

— Вот тебе и покос! — невесело улыбнулся политрук, пряча письмо в карман. — Но это ничего, не в последний, наверно, раз цветут клевера. Так, что ли, Александр Иванович?

— Так, — подтвердил Заходский.

Обстрел нарастал. Всё чаще рвались снаряды в клевере, вздымая к чистому утреннему небу комья земли. Вот-вот должны были двинуться автоматчики.

— За нас с Опанасенкой не сомневайтесь — сказал Заходский.

— А я и не сомневаюсь, — кивнул головой политрук и ловко скатился с холма, сразу исчезнув в траве.

Потянуло едкой пороховой гарью. Из соседних окопов, не выдержав, стали отвечать винтовочным огнём. Заходский сидел на земляной лавочке безучастно, большой, сильный, с литыми плечами. Его минута ещё не пришла.

Шагах в пяти разорвался снаряд. В окоп посыпались тяжёлые комья. Когда рассеялось жёлтое облачко, Заходский окликнул своего помощника:

— Степан, ты живой?

— Жив.

— Сейчас автоматчики побегут, доглядывай!

И верно, артиллерийская подготовка достигла той наивысшей точки, вслед за которой наступает черёд пехоты. Взрывы теперь слились в сплошной гул. Казалось, ничто живое не должно уцелеть на этом клеверном поле.

Но седьмая рота цепко держалась за свой рубеж.

Противник перенёс огонь. Его снаряды рвались теперь позади

бойцов. И тут Заходский увидел выскочивших из леса автоматчиков.

— Гляди, Степан! — хрипло крикнул он и обернулся к Опанасенко. То, что он увидел, поразило его, как удар молнии. Вцепившись пальцами в земляную стенку окопа, Опанасенко медленно вращался, точно у него были ноги из ваты. Повыше переносицы темнело маленькое пятнышко, и тоненькая струйка крови стекала по небритому лицу.

— Степан! — крикнул Заходский, схватив своего помощника за плечи. Степан не ответил.

В бою некогда плакать. И хотя Заходский успел крепко привязаться к этому разговорчивому украинцу, скрывая своё чувство под напускной суровостью, он ничего не мог сделать для мёртвого товарища.

Автоматчики приближались. Уже можно было различить их возбуждённые морды, сквозь трескотню очередей доносились слова чужих команд.

Заходский не открывал огня. До боли в пальцах сжав ручки пулемёта, он терпеливо ждал своей минуты.

И дождался. Автоматчики были в пятидесяти метрах, они бежали по клеверу, подминая его тяжёлыми сапогами. Радость победы подгоняла их вперёд. Вот тут и полоснул по ним пулемёт Заходского. Автоматчики попадали на землю. Стремясь поразить всех, Заходский поворачивал пулемёт, расширяя сектор обстрела. Он видел, как валялись сражённые им враги, и ещё яростнее поливал их свинцовым дождём. Первая атака захлебнулась.

Теперь надо было побыстрее сменить огневую позицию. Прежде чем выскочить из окопа, Заходский

склонился над трупом Опанасенко и, развернув зелёное полотнище плащ-палатки, прикрыл товарища. Он не мог поступить иначе, даже если бы его вздымали на дыбу. Затем схватил пулемёт за колёса, легко вскинул на плечи и сбежал с поросшего клевером холма.

Бой кипел на правом фланге. Снова заговорили вражеские пушки. Даже получив крепкий отпор, фашисты не отказались от своего плана.

Не торопясь Заходский оборудовал новую огневую позицию в брошенном кем-то окопчике. Он маскировал клевером пулемёт, когда его разыскал связной.

— Отходим, — сказал связной. — Тебе приказано держаться до последней возможности.

— Ладно, — просто сказал Заходский. Он даже не стал расспрашивать, почему отходит рота и как долго надо

сдерживать врага. Всё его внимание было приковано к опушке леса, где снова накапливались автоматчики.

— Из-за пятой роты всё получилось, — добавил связной, — обошли её, потому и отходим...

— Ладно, — ещё раз сказал Заходский, не отрывая глаз от опушки леса. — Скажи политруку, что Заходский велел кланяться...

— Политрука убило...

Ничего больше не сказал Заходский. Только прищурился, стараясь разглядеть, что происходит на опушке.

Вскоре автоматчики снова полезли в атаку. И опять подпустил их Заходский, с непоколебимым спокойствием дождавшись возможности ударить наверняка. И опять захлебнулась атака.

Так дрался Заходский полдня, отбив пять атак автоматчиков. За ним

Рис. В. Скрыбина

охотились снайперы, его обстреливали миномётные батареи, вспахивали землю рядом с окопчиком. Но стоило врагу подняться для броска, как снова раздавалась длинная очередь.

Долго странствует солнце по июльскому небосводу, прежде, чем уgomонится и уйдёт за горизонт на короткий отдых. Последнюю атаку Заходский отбивал перед закатом, когда враги снова попытались прорваться через его рубеж. На клеверном поле, окрашенном в розовый цвет, полыхало зарево. И, должно быть, оттого оно было ярче, чем утром, что много крови пролилось за день.

В этот раз автоматчики наступали маленькими группами с разных направлений. Разгадав, что перед ними один упорный пулемётчик, они хотели сбить его с толку.

— Нет, врётё, сучьи дети! — сказал Заходский, берясь за ручки пулемёта. — Пока я живой, не пройти вам будет!

Борьба с маленькими группами потребовала хитрости. Будто не замечая тех, что бежали справа, он

обрушивался на левофланговых, заставляя их лечь в траву. Тем временем бегущие справа оказались совсем близко. Они уже заматывались гранатами, когда и по ним рубанула меткая очередь.

В тот же миг сильный удар сбил Заходского с ног. Мина угодила в песчаный бруствер окопа. Очнувшись, он увидел свой разбитый пулемёт, отброшенный взрывом в сторону. Из разорванного кожуха выливалась вода.

Ярость заставила Заходского вскочить на ноги. Оглушённый, не замечая крови, текущей из ушей, он схватил пулемёт и занёс над головой:

— А ну, подходи, кому жизнь не дорога!

Ночью наши части перегруппировали свои силы и к рассвету полностью восстановили положение. В клеверном поле было найдено более ста трупов вражеских автоматчиков, сражённых пулемётом Заходского. А ещё через несколько дней Александру Ивановичу Заходскому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Неугомонная душа

В ЗЕМЛЯНКЕ было жарко натоплено. Над чугунной печуркой висели меховые унты и вывернутые наизнанку комбинезоны. Свет от маленькой автомобильной лампочки освещал лишь стол, за которым сидел адъютант эскадрильи. Вся остальная часть землянки скрывалась в полумраке. От бревенчатых стен исходил терпкий запах смолы. Янтарные капельки её светились, точно стены землянки кто-то усыпал драгоценными камнями.

Метеосводка не обещала ничего отрадного. На всякий случай адъютант через каждые четверть часа звонил оперативному дежурному.

— Товарищ ОД? Что скажешь? Ни зги?

— Сгинь, — меланхолично отвечал ОД.

Всем было ясно, что вылетов этой ночью не будет. Над аэродромом нависли тяжёлые тучи, под ногами хлопало, хлопьями валил мокрый снег. Но без приказа нельзя было ложиться.

От нечего делать лётчики рубились «в козла», ожесточённо хлопая большими медными костяшками. Играли шумно, азартно, по особым аэродромным правилам. Всякий раз, когда дубль двенадцать оказывался забитым, кто-нибудь командовал пронзительным фальцетом:

— Встать! — И двое виновных поспешно вскакивали на нарах под торжествующий хохот другой пары. Адъютант в таких случаях оборачивался на неудачливых козлятников, укоризненно качая головой:

— Эх, слабаки!

Один Севастьянов не принимал участия в бурных переживаниях игроков. Он сидел на краешке нар, подперев рукой лохматую голову, и угрюмо молчал. Весёлый и общительный от природы, Севастьянов становился совершенно неузнаваемым, когда нечего было делать в воздухе. Вынужденное безделье тяготило его подобно физической боли. Узнав, что вылетов не ожидается, он мрачнел, погружался в невесёлые мысли.

Сердце Алексея Севастьянова ожесточилось ещё в первый день войны. Тогда было раннее летнее утро, и багряный диск солнца медленно поднимался над пограничным аэродромом. На линейках недвижимо стояли боевые машины. В кустах за рекой дозарёвывал запоздалый соловей.

В этот ранний час прилетели немцы. Всё случилось так быстро и так неожиданно, что Севастьянов даже не успел застегнуть парашют. Кругом рвались бомбы, пылали самолёты на линейках, над головой гремел воздушный бой. Один наш ястребок, бог весть как успевший взлететь, яростно клевал чёрную стаю «Юнкерсов». И настолько дерзок был этот неравный поединок, такой безумной отвагой был наполнен, что фашисты шарахались от ястребка, и один за другим упали на землю два их бомбардировщика. А маленький крутолобый ястребок всё насккивал на врагов, пока и сам не свалился в дымный штопор, сражённый длинной очередью бортового стрелка.

Спустя несколько минут запыхав-

шийся Севастьянов стоял возле разбитого самолёта. Он бежал к нему изо всех сил, и предчувствие не обмануло его. Да, это был Василий Шулика, сердечный друг, одноклассник, весёлый и щедрой души человек. Василий Шулика лежал в траве, сжимая в руке штурвал самолёта. Севастьянов попробовал разжать ещё тёплые пальцы друга, пальцы не выпустили штурвала.

Ярости неведома усталость, она не знает ни страха, ни сомнений. Четырнадцать раз взлетал Севастьянов в тот день, и фашисты избегали встреч с ним, словно чувствовали, какой лютой мукой наполнено сердце русского лётчика.

С того дня много воды утекло. Седая мать из глухой деревушки под Калинином написала ему о пепелище на месте отчего дома. Он бережно спрятал письмо в карман гимнастёрки. Младший брат сообщил, что третий месяц лежит в госпитале: «Мне оторвало ноги, Алёша». Он несколько раз перечитал это место письма и спрятал его в карман.

Многое вмещает русская душа — и горе, и радость, и любовь, и ненависть. Ещё злей стал Алексей Севастьянов, ещё упорнее искал встреч с врагом.

Однажды ночью он патрулировал над Ленинградом. Это было 6 ноября 1941 года, в канун праздника. Внизу лежал огромный город с погашенными огнями.

Севастьянов кружил в своём квадрате, тщетно мотая головой по сторонам. Ночью трудно обнаружить

врага в воздухе, почти невозможно. Ещё трудней поразить его.

Похоже было, что и в этот раз дежурство закончится безрезультатно. Над Ленинградом, где-то совсем рядом с его квадратом, летали фашисты, безнаказанно сбрасывая свои фугаски на жилые дома, на головы женщин и детей. А Севастьянов метался в крошечной темноте и не мог разыскать врага. Из таких вылетов он возвращался на аэродром чернее тучи и подолгу ни с кем не разговаривал.

Дежурство подходило к концу. Вдруг по тёмному небу зашарили лучи прожекторов. Севастьянов насторожился. Внизу сверкнули ослепительные кружева зажигательных бомб.

Снова бомбят Ленинград! Знакомое чувство охватило Севастьянова, чувство гнева и беспомощности. Неужели опять он не найдёт врага?

И вдруг он заметил сверкнувшее в прожекторном луче крыло фашистского бомбардировщика. Увидел и сразу кинулся наперерез. Фашист юлил, увёртывался, но голубые лучи

цепко держали его, не выпуская добычи.

Рванув газ, Севастьянов заходил в атаку. Дал очередь длинную, с нажимом, как в кулачной драке, когда в ударе вся душа. А бомбардировщик продолжал лететь и чёрт его знает, попал в него или нет. Дал ещё очередь — опять летит. Уже и снаряды все кончились, а он летит и летит.

Тогда сама собой пришла мысль о таране. Конечно, надо таранить, пусть даже ценой собственной жизни! Разве не так же поступил бы Василий Шулика? Разве дал бы он врагу уйти?

Передать всё, что чувствует воздушный боец в такую минуту, на-

Верно, нельзя. Сам Севастьянов никогда не мог связно рассказать об этом, хотя и расспрашивали его друзья с пристрастием. Должно быть, скоротечная природа воздушного боя не оставляет времени для долгих размышлений. Сближаясь с тёмной массой бомбардировщика, он жил одной мыслью, одним желанием: во что бы то ни стало уничтожить фашиста.

Удар был очень сильным. С оторванной плоскостью, рассыпаясь в воздухе, бомбардировщик рухнул вниз. Севастьянова выбросило из кабины вместе с сиденьем.

Дело было сделано. Блаженно улыбаясь, не чувствуя боли в ушибленной руке, не замечая лютого мороза, Севастьянов медленно опускался на тёмный город, покачиваясь под чёрным куполом парашюта. И впервые за всю войну к нему пришло полное удовлетворение.

Опустился Севастьянов на заводском дворе. Сразу на него кинулись какие-то люди, подмяли под себя, закрутили назад руки. Всё равно он улыбался. Потом, узнав, кто он такой, его повели в комнату, где топились печка, угощали горячим чаем, восторженно жали руки, а он всё улыбался. Потом повезли в Смоль-

ный, показали сбитого им немецкого лётчика, поздравляли, а он улыбался.

Впрочем, блаженное это состояние длилось недолго, лишь один день. Ночной таран над Ленинградом принёс Севастьянову всеоюзную известность. О нём были написаны сотни статей, поэты посвящали ему свои стихи, а молодые сержанты, прибывшие в полк на пополнение, готовы были молиться на такого знаменитого лётчика. Лишь сам Севастьянов оставался недовольным, рассматривая свой таран, как опыт, к тому же не совсем удачный — таранить надо более хладнокровно, с расчётом.

...В землянке стало тихо. Угомонились и любители «козла». Кто сидя, кто прислонясь к плечу товарища, лётчики задремали. По-прежнему бодрствовал лишь адъютант, временами позванивая ОД. Да ещё Севастьянов всё в той же позе сосредоточенного раздумья продолжал сидеть на краешке нар.

Каждый раз, когда всхлипывал телефонный зуммер, Севастьянов поднимал лохматую голову, и светлые искорки надежды мелькали в его глазах. А вдруг приказ на вылет?

Матрёна Ивановна

ВСЁ в этом доме говорило о суровой неприхотливости солдатской жизни: и бревенчатые стены, запотевшие жёлтыми капельками смолы, и железная бочка, служившая хозяевам вместо печки, и даже маленькая ёлка, незатейливо украшенная гирляндами цветной бумаги.

Ровно в двенадцать часов ночи поднялся из-за стола командир полка, коренастый крепыш — подполковник. За столом смолкли разговоры.

— Выпьем за победу! — сказал командир полка. — С Новым, 1942 годом, друзья!

Сдержанные и обычно молчаливые артиллеристы скоро разговорились. И хоть не часто доливались

кружки, было много тостов. Провозглашали здравицу в честь Верховного главнокомандующего, за скорый разгром фашизма, за командира и комиссара полка и за то, чтобы следующий год встретить в гвардейском звании.

Мой сосед, высокий и длинноногий лейтенант Астанин, тоже предложил тост:

— За Матрёну Ивановну, товарищи! — сказал Астанин своим хриловатым баском, — За простую русскую женщину-героиню!

Видно, все присутствующие хорошо знали Матрёну Ивановну: тост Астанина был встречен одобрительным гулом. Я оглянулся по сторонам — ни одной женщины за столом

не увидел. Рядом со мной сидели командиры дивизионов и батарей, комиссар, начальник штаба. Даже полевой врач был здоровенным великаном-усачом, и зелёные медицинские петлицы на его гимнастёрке казались недоразумением.

В половине второго подполковник приказал разъезжаться по батареям, и все с шумом поднялись из-за стола.

Прощаясь с Астаниным, я попросил рассказать, о какой Матрёне Ивановне шла речь и в чём заключался её подвиг.

— Это длинный разговор, — усмехнулся Астанин, застёгивая полушубок. — В другой раз как-нибудь...

— А вы коротенько расскажите.

— Коротенько? Ну, хорошо, — согласился лейтенант. — Матрёна Ивановна, фамилию её, к сожалению, не знаю, была учительницей неполной средней школы в селе Люблино. Преподавала немецкий язык. А впрочем, точно не знаю, возможно, и русский. Знаю только, что лет ей было за шестьдесят и что учительствовала она в этом селе годов сорок безвыездно.

Помните августовские бои под Лугой? Вот там это всё и случилось. Моя батарея прикрывала шоссе на дорогу на Псков. Горячие были дни. Да вы же у нас бывали, сами знаете. И прямой наводкой приходилось действовать, и от танков отбиваться, и по закрытым целям стреляли. В общем, доставалось.

Как-то раз приводят ко мне мальчонку. Нахохленный такой, серьёзный, в отцовской кепке. Увидел меня и спрашивает: «Ты, дяденька, главный?» Ну, я ему отрапортовал по форме: так, мол, и так, старший командир Астанин, какие будут приказания... А он насупился: «Не смейся, дяденька, скажи лучше, далеко ли твои пушки стреляют?» Понял я, что неспроста явился мальчонка. И, верно, вручает он мне с таинственным видом письмо. Адрес и теперь помню: «Артиллеристам или лётчикам Красной Армии». В письме сообщается, что в Люблинской школе стоит штаб дивизии противника и что командир той дивизии, генерал-

Рис. А. Крутцова

майор, расположился в учительском доме. Одним словом, настоящее разведдонесение. Подписано какой-то Матрёной Ивановной.

«Кто тебя прислал?» — спрашиваю мальчонку. «Матрёна Ивановна, вот кто. Сегодня вечером у ихнего генерала гости соберутся, это Матрёна Ивановна велела на словах сказать. Именинник он. Все главные фашисты придут. Понятно, дяденька?»

Вижу, не шутит наш гость. Немецкий штаб и в самом деле должен был находиться где-то в районе села Люблино. Мальчонка сообщил ещё, что Матрёну Ивановну фашисты забрали в переводчики, что ей тоже надо быть на вечере у генерала.

Признаться по правде, я не знал, что делать. Открыть огонь — не шутка, но ведь тогда погибнет и Матрёна Ивановна.

Переговорил с командиром полка, получил «добро» и решил направить к Люблино наблюдателей с рацией. Мальчонка должен был предупредить старую учительницу, что огневой налёт начнётся ровно в полночь. «Запомни, друг, — сказал я ему, — ровно в двадцать четыре ноль-ноль». «Запомнил, дяденька», — ответил он и убежал.

Дальше всё шло, как положено. Ровно в двадцать четыре ноль-ноль мы всей батареей навалились на во-

сточную окраину села, где стояло двухэтажное здание школы. Корректировали огонь по радио, так что за точность могу ручаться. Часа через два явились наши наблюдатели, видевшие, как сгорела школа. Штаб мы скovyрнули начисто. От прямого попадания погиб и сам именьник. Генерал даже в машину успел вскочить, но тут его и накрыло... Вот, собственно, и вся история.

Астанин замолчал. Он покручивал пушистые рыжеватые усы, отращённые по артиллерийскому обычаю, и молодое его лицо, обычно оживлён-

ное и простодушное, стало сумрачным.

— А как же Матрёна Ивановна?

— Не сумела, видно, уйти, — шумно вздохнул Астанин. — Вечером следующего дня к нам снова заявился тот мальчонка. Был он угрюм и неразговорчив, словно большое горе придавило его худенькие плечи. «Матрёна Ивановна помирает, — сказал он чуть не плача. — Вот вам, дяденьки, записка».

Дрожащей рукой на клочке бумаги было написано: «Спасибо вам, родимые, бейте фашистов, ни о чём не горюйте».

Последний день германского фашизма

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ РАДИОЖУРНАЛИСТА)

В ЖИЗНИ каждого человека бывают минуты, которые запечатлеваются в его памяти на всю жизнь.

Вот и в моей жизни была такая минута.

Это произошло 2 мая 1945 года в 14 часов 45 минут.

В этот момент я, военный корреспондент Ленинградского радио, подошёл к микрофону, установленному на улице в центре города, и сказал:

— Дорогие товарищи, ваш корреспондент говорит из Берлина. Я стою на главной здешней улице — «Унтер-ден-Линден» называется

она — и говорю с вами отсюда по радио. Сегодня советские войска овладели столицей фашистской Германии. Над рейхстагом реет Красное знамя нашей победы, а по Унтер-ден-Линден шагают наши солдаты. Они пришли сюда от стен Ленинграда, с берегов Волги, из степей Украины... Пришли с победой, за которую долго боролись и которую добыли...

...Они шли, лишь на

мгновение задерживаясь у микрофона, произносили простые, взволнованные слова, обращённые к Родине, к друзьям и близким... Они говорили о мире, о жизни, о труде, по которому так истосковались солдатские руки...

Первым к микрофону подошёл скромный сержант.

Он коротко доложил всему миру: — Я, русский солдат Егоров, Михаил Алексеевич, по приказу командования водрузил над зданием рейхстага в Берлине знамя нашей победы!

Сказал и пошёл дальше.

Всматриваюсь в серые от пыли и пороха лица. И вдруг... Нет, я никогда раньше не видел этого пожилого человека в красноармейской форме, но на его гимнастёрке блестит знакомая медаль с изображением Адмиралтейства... Спешу к нему с микрофоном.

— Земляк?

Тут же, на ходу, знакомимся, и я узнаю, что Василий Михайлович Даль начал войну у стен

Ленинграда, прошёл с боями больше двух тысяч километров, сменил восемь пар сапог и пришёл в Берлин...

Василий Михайлович направлялся вперёд, к рейхстагу, где ещё держались немцы.

Мы расстались и потом, через много месяцев, уже в мирное время, нам было очень приятно вновь встретиться, но уже в Ленинграде, куда Василий Даль, с честью отвоёвав, вернулся к своей семье.

Кстати, как выяснилось позже, жена и дочь Василия Михайловича узнали о том, что он жив, по радио, услышав его голос из Берлина...

Никогда не забыть этих первых часов... Дождь, туман, дым...

Где-то в городе ещё идут бои... В воздухе неосевшая пыль... Запах гари...

Жилые кварталы превращены в фантастические руины, из которых, словно гнилые зубы гигантского дракона, кое-где возвышаются обломки стен... По улицам, к последним очагам сопротивления движутся наша пехота, артиллерия, проносятся танки...

Идут наши солдаты, с любопытством оглядываясь по сторонам... Они впервые проходят по берлинским улицам, впервые видят этот город...

Тут нам рассказывают об одном случае, происшедшем вчера утром, и знакомят с главным действующим лицом — гвардии рядовым Зуевым, связным штаба дивизиона.

Простой паренёк с Невской заставы, в выцветшей форме, подходит к микрофону и охотно рассказывает:

— Было дело так. Поехал я на велосипеде из дивизиона с донесением. А по дороге народ всякий идёт, к дому пробирается. Вот один из проходящих мне и говорит: «Там, в лесу, немцы находятся». Я остановил бойца, и мы с ним пошли в лес. Только вошли, видим немецкого офицера. Я навёл на него автомат и говорю: «Хенде хох! Хальт! Цурюк!» — в общем, все немецкие слова, какие знал. Офицер руки поднял и по-русски говорит: «Сдаюсь». Я ему говорю: «Сколько вас здесь, в лесу, находится — сдавайтесь. Нас двести

автоматчиков и артиллерия. Не сдадитесь — уничтожим». Немец меня спрашивает: «Вы посланы командованием?» — «А как же, — говорю я, — специально послан, и срок вам дано 15 минут». Немец отвечает: «Я не могу лично вести переговоры, об этом надо говорить с майором». Пришёл майор, спрашивает: «А вы нас расстреливать не будете?» — «Нет, — отвечаю, — мы пленных не расстреливаем». Тогда майор даёт команду, и отовсюду из лесу стали выходить немецкие солдаты. Я и не думал, что их здесь так много: человек пятьсот собралось. Ну, велел им ружья свалить в кучу (потом, думаю, заберём), а офицерские пистолеты мы сложили в чемоданы. Построил я фрицев в колонну по четыре и привёл их в штаб. Вот и всё, — закончил гвардии рядовой Зуев, расправил под ремнём гимнастёрку и, повернувшись по-военному, отошёл от микрофона.

В эту минуту стрельба на соседней улице вдруг усилилась, потом русское «ура» перекрыло орудийный грохот. Там пошли в атаку.

Агония Берлина продолжалась. Стреляли «Фаусттики», щёлкали снайперы, вешались гитлеровские главарь...

Наши части продолжали продвигаться к центру, всё туже сжимая кольцо вокруг последних солдат Гитлера. Вечером 2 мая белые флаги взвились над передовой. Явился комендант Берлина генерал артиллерии Вейдлинг. Он заявил, что окружённые войска прекращают сопротивление, а он сам сдаётся в плен.

По предложению командования, Вейдлинг тут же написал своим войскам приказ о капитуляции. Приказ этот через мощные радиорупоры передавался для сведения ещё не бросивших оружия солдат. Он был так же быстро отпечатан в типографии, и листовки разбрасывались в местах, где ещё продолжалось сопротивление.

Мы предложили генералу Вейдлингу прочесть свой приказ перед микрофоном для истории. Неохотно, мрачно, с трудом, словно едва разбирая слова, читал он строки приказа.

Говорил он настолько тихо, что пришлось его остановить и попросить прочесть приказ снова, по-военному — громко.

Генерал тяжело вздохнул... И вновь обратился к немецким солдатам:

«По согласованию с Советским военным командованием я предлагаю вам сложить оружие и прекратить сопротивление. Дальнейшие бои бессмысленны, ибо каждая минута увеличивает количество бесполезно проливаемой крови...»

Это было 2 мая. Берлин пал. Стало необычайно тихо, словно шторм на море вдруг неожиданно сменился безветренным штилем...

В два часа дня мы на легковой машине въезжали в центр города. Здесь ещё горели дома, стлался пороховой дым, и из окон кое-где постреливали...

Необычайная это была поездка! Сознание, что едем по Берлину, волновало чрезвычайно. Хотелось всё увидеть, ничего не упустить, всё запомнить...

За рулём нашей машины сидел радиоинженер Николай Свиридов. Вести машину казалось просто невозможным. Лежащий перед нами

путь, даже отдалённо, не был похож на автомобильную трассу: горы битого кирпича, поваленные столбы, невероятные ухабы, обломки стен... Я с беспокойством поглядывал на аппаратуру, которая то и дело взлетала вверх. За неё я боялся больше всего. Впереди ведь было столько дела!..

«Мерседес» наш шумел, скрипел и всё-таки брал препятствия и двигался вперёд... к рейхстагу...

Центр города. По обеим сторонам мрачные развалины. Когда-то здесь были огромные здания, широкие проспекты...

Унтер-ден-Линден — главная берлинская улица. Её длина — один и три десятых километра. Асфальт изрыт воронками авиабомб и снарядов. На нём трупы солдат, подбитые бронетранспортёры с шестиствольными миномётами, брошенные каски и противогазы...

Да и вообще Унтер-ден-Линден — этой улицы, которая мрачностью своих фронтонов создавала напыщенное величие германской столицы, — не было. Одни руины. Унтер-ден-Линден — улица под липами. Но и лип тоже не оказалось...

На стенах уцелевших домов только что наклеены листы жёлтой бумаги. Это первый приказ советского коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина.

Едем дальше по ухабам и разбитому кирпичу... Нас обгоняют другие машины. Движение очень оживлённое...

И почти на всех перекрёстках уже заняли места девушки-регулирующие, так бойко и ловко направляющие бесконечный поток транспорта, словно они не несколько часов, а давным-давно уже стоят здесь.

Сигнал остановиться. Тормозим...

Подходит миловидная девушка-регулирующая и молча, с подозрением смотрит на нас. Мы тоже молчим. Но магнитофон уже пищит:

— Битте... Папир... — решительно говорит девушка.

Мы с приятелем недоуменно переглядываемся.

— Папир, — повторяет девушка уже настойчивее и угрожающе. — Папир... Хальт! Цурюк!..

Должно быть этим запас немецких слов у неё ограничивался, потому что она несколько раз их повторила. Мы не выдержали и рассмеялись.

— Да скажите же по-русски, что вы хотите?

Девушка неуверенно улыбнулась:

— Так вы свои? А я думала...

Предъявили документы, разговорились, и девушка эта тоже оказалась ленинградкой. Надо было видеть, как она обрадовалась и вся засветилась в улыбке...

— Из Ленинграда, товарищи! Так ведь и я оттуда. Вы где живёте? А я на улице Чайковского, 64. Работала на «Электросиле» чертёжницей. Там, наверное, помнят меня. Передайте всем привет от Веры Ковалёвой...

Сердечно попрощавшись, мы продолжали свой путь.

Вот и район Тиргартена. Повсюду те же картины — мрачные развалины, мёртвые кварталы с пустыми глазами окон... Ветер разносит пыль.

Ориентируясь по карте, выезжаем к самому центру города.

И вот перед нами огромное куполообразное здание — немецкий рейхстаг. Мы лицезрели его в том виде, в каком он оказался после поджога его фашистами в 1933 году.

Может быть, не всем известно, что немцы после пожара не стали восстанавливать это здание. Так и стоит скелет рейхстага, и только несколько попаданий наших тяжёлых снарядов да несколько бомб довели это мрачное здание почти до полного разрушения.

Над рейхстагом реяло знамя Победы и уже десятки надписей на его стенах:

«Волга — Берлин. Сальников».

«Моздок — Берлин. Шубников».

«Рейхстаг пал. Кремль стоял, стоит и стоять будет. Москвич Овчинников».

И ещё старательно выведенные мелом на грязном мраморе слова:

«Мы пришли в Берлин — ленинградцы Петров, Шубин, Иванов...»

Невдалеке знаменитые Бранденбургские ворота. Немцы приспособили их для обороны. Проезды завалены брёвнами, засыпаны песком. Здесь были бойницы.

Ещё дальше — новая имперская канцелярия, берлинская резиденция Гитлера.

Главный вход. Кондоры со свастикой в лапах разбиты вдребезги. Очередью из автомата прострелена, как бы зачёркнута навсегда, огромная доска с надписью: «Рейхсканцелярий» — имперская канцелярия.

Подъезд усыпан тысячами немецких орденов и грамот.

Мы подняли одну из них. В ней говорилось о награждении рыцарским знаком железного креста какого-то немецкого полковника. Внизу стояла личная подпись Гитлера и дата: «Берлин. 20 мая 1945 года».

Очень предусмотрительна была гитлеровская канцелярия: она вперёд на месяц разметила торжественную церемонию вручения орденов, но Советская Армия изменила этот календарный распорядок, и вот валяются эти ордена в опустошённой имперской канцелярии и солдаты наши топчут их...

Под этим же зданием было обнаружено огромное бомбоубежище, в котором находилась квартира Гитлера и всех остальных главарей его шайки.

Спускаемся в подземелье...

В этой мрачной тишине магнитофон был бесполезен, но записаны, испещрены листки моего походного блокнота.

Главный вход завален, пришлось лезть сквозь какую-то дыру в стене. Вышли на узкую лестницу.

Темно, провода перерезаны. Осторожно продвигаемся, освещая путь электрическими фонарями. Автоматчики и каждый из нас держит оружие наготове.

Это был, кажется, третий или четвёртый этаж под землёй, точно не помню. Мы свернули в узкий коридор, такой узкий, что можно было идти, упираясь обеими руками в стены. Прошли метров пятнадцать. Кто-то сказал, показав на небольшую дверь: «Фюрер», потом на дверь напротив: «Гebbельс».

Здесь они скрывались во время бомбёжек... Но если вспомнить, как ожесточённо и энергично бомбилась столица Германии, то, вероятнее всего, убежище это было их постоянной квартирой.

Совершенно темно. Мы толкнули дверь и вошли в логово Гитлера.

Первая комната — метров 7—10, нечто вроде кабинета. Стол, три кресла рядом. На столе две бутылки недопитого французского вина, несколько бокалов... Больше ничего.

Во второй комнате — кровать морёного дуба, шкаф, в котором был обнаружен парадный мундир Гитлера с одиннадцатью орденами. В этом мундире он появлялся на всех сборищах и торжествах.

Квартира Геббельса. Тут ещё темнее. Первая комната метров 6—8, не больше. Письменный стол. Два кресла, у стены чемодан, набитый бумагами. Там был обнаружен список личной охраны Гитлера, состоящей из 211 отборных головорезов, план обороны ставки в случае внезапного нападения и подробный план эвакуации ставки из Берлина.

Мы вышли на улицу и облегчённо вздохнули. Навстречу нам плелась по обломкам кирпичей длинная колонна...

Впереди немецкие генералы. Ординарцы и адъютанты несут за ними одеяла и портфели. Следом двигались полковники, майоры, полицейские, эсэсовцы — тысячи пленённых солдат и офицеров.

Они шли молча, еле волоча ноги... И невольно думалось о том, что ведь недавно эти вояки маршировали по этим улицам под гром бравурной музыки и барабанный бой, и что каждый из них был начинён сумасбродными мечтами о завоевании мира...

...Вот они плетутся теперь серой, бесцветной массой, понутив головы... Такого парада Берлин ещё не видел!

Пленные проходят по Франкфурт-аллее... На углу горит дом. Флаг с чёрной свастикой развевается над ним. Пламя всё ближе и ближе. Вот

ловок тридцать: корреспонденты «Правды», «Известий», «Красной звезды», ТАСС, Радио... Ну и, конечно, кинооператоры и фоторепортеры. Всех опередил кинооператор Кармен, занявший самую выгодную позицию у стола, где должно было произойти подписание. Многочисленные иностранные корреспонденты также заполнили зал.

Ждать пришлось долго, что-то задерживало начало церемонии. Говорили, что французский и немецкий тексты были плохо переведены и их сверяют...

языки его захватили флаг. Он вспыхивает и неплом сыплется вниз...

Война с Германией близилась к концу. Берлинская битва была эпилогом. Это чувствовалось, ибо фактически организованное сопротивление немцев повсеместно прекратилось. И вот 7 мая нам стало известно, что на следующий день, то есть 8 мая, в Карлсхорсте (это один из районов Берлина), в здании бывшего немецкого санёрного училища, будет подписан акт о капитуляции Германии. Понятно, что корреспондентов, желавших быть свидетелями этого долгожданного события, оказалось значительно больше, чем мог вместить зал.

Советских журналистов было че-

Подписание акта было назначено на 10 часов утра, а мы просидели в зале, не выходя из него (боялись уйти, потому что говорили, церемония вот-вот начнётся), до 11 часов вечера.

И вот, наконец, включаю микрофон и дрожащим от волнения голосом произношу:

«Говорит Берлин. Сейчас 23 часа 30 минут по московскому времени. Мы ведём репортаж из здания немецкого санёрного училища в Карлсхорсте, где представители Союзного командования и делегация Верховного главнокомандования немецкой армии подпишут сейчас акт о безоговорочной капитуляции Германии».

Подписание акта состоялось в торжественном молчании, прерываемом лишь треском киноаппаратов, щелчками и вспышками магния, — фото-репортёры старались вовсю. Их было там около 50 человек, и вполне понятно, что каждому хотелось запечатлеть исторический момент.

Весь мир напряжённо внимал залу в Карлсхорсте. Это был час, это была минута, о которой так долго мечтали миллионы людей. Это была победа, за которую пролито было столько крови, принято столько горя и мук. И мы, советские люди, видевшие, как бывший фельдмаршал

германской армии Кейтель подошёл к столу, чтобы признать перед всем миром своё поражение, были исполнены великой гордостью за свой народ, за свою армию, за свою родную Коммунистическую партию, приведшую нас к победе.

Представителям немецкого командования были заданы вопросы: имеют ли они на руках текст капитуляции, ознакомились ли с ним и готовы ли подписать акт. Ответ был утвердительный. Кейтель взял в руки перо, обвёл зал тусклым взглядом и подписал русский текст капитуляции. Затем он подписал остальные экземпляры...

Через 15 минут всё было кончено. Немецкая делегация покинула зал заседания. Исторический акт состоялся.

ЗАСТАВА НА ГРАНИЦЕ

(К фотоочерку на 2-й и 3-й страницах обложки)

Ночь. Не светятся окна села Урлук в далёкой Читинской области. Бушует, метёт пурга, стучится в закрытые ставни. И никак не заснуть колхознице Анастасии Степановне Семёновой.

— Непогоды! — шепчет она в темноту. — Каково Феде в эту ночь!

— Спи! — говорит Василий Иванович. — Наш сын там не один...

...Не спит в эту ночь и сын — рядовой Фёдор Семёнов. С оружием в руках неслышными шагами идёт он по самому краю родной земли, вглядываясь во тьму, вслушиваясь в ночные шорохи. Идёт в паре с новым другом, бывалым пограничником Мусалимом Бабаевым. Слева — чужая земля, а справа — своя. Идут молча, потому что не время сейчас разговаривать. Помечтать о доме и то не время...

Два года назад прибыл на границу из жаркого Азербайджана Мусалим Бабаев. Сначала оробел: не умел ходить на лыжах, ездить верхом, плохо говорил по-русски, скучал по родному дому.

— Это дело наживное, научишься, — сказал ему тогда ефрейтор Михаил Смирнов. — С Тёркина бери пример, везде ему был родной дом и родная семья.

Прочитал Мусалим «Василия Тёркина», огляделся — и верно, здесь, на заставе, настоящая семья. Что ни солдат, то вылитый Тёркин: всё знает, всё умеет. И хозяйство тут, как дома, — лошади, корова, поросёнок, сами выращивают картошку, заготавливают сено, сами пекут хлеб.

...Давно уже дома ефрейтор Смирнов, а на границе Мусалим Бабаев идёт за старшего в паре с Семёновым. Он знает тут каждый кустик и каждую веточку. Знает, где залегли в секрете с верным Ремом сержант Суханов и рядовой Салтанович (фото № 1), где несут службу в конном дозоре рядовые Базюк и Кузьменкин (фото № 2). Отлично знает Мусалим, как и все его товарищи — пограничники, что делать, если кто не-

прошенный осмелится ступить на родную землю. А всякого, кто осмелится, ждёт только одна участь: он будет взят (фото № 3).

...Сменились, передохнули. Теперь можно и поговорить по душам, спеть под гитару, пришить свежий воротничок, начистить до солнечного блеска пуговицы гимнастёрки (фото № 6), но Мусалиму волей-неволей приходится плясать.

— Принёс тебе с почты дюжину поклонов, — блестя зубами, объявляет рядовой Шкиль, но письма не отдаёт, а начинает перечислять:

— От отца с матерью, от братьев — Нормана, Айдина, Дельгема, Марефа, от сестёр Зерханум, Зерангиз...

Бабаев не может дожидаться, когда Шкиль перечислит всю его большую родню, и пускается в пляс (фото № 4).

А Фёдор Семёнов тем временем распахнул газету, прочитал в ней заметку об успехах своих земляков-колхозников и задумался (фото № 5). Он не слышит даже увлекательного рассказа инструктора службы собак сержанта Трунова о том, что во время ученья четвероногим тоже выставляют оценки.

— Была у меня собака Урза — сплошная двоечница. Пришлось оставить на второй год в том же «классе». Пусть пеняет теперь на себя...

— А Рем как учился? — поинтересовался кто-то.

— Рем — отличник! По русскому языку я аттестовал его даже на пять с плюсом: с полнарёка понимает. Он только что говорить не выучился, а так всю службу назубок знает...

— Ай да Рем! — восхищаются солдаты. — Он у нас прямо-таки с высшим образованием...

— Ну, не с высшим, — отшучивается Трунов, — а аттестата зрелости вполне достоин!..

Все смеются. Один лишь Фёдор Семёнов серьёзен в эту минуту. Давненько не было писем из дому. Как

они там? Хорош ли получился урожай озимых? Ведь так некстати нынче выпали ранние заморозки, когда хлеба ещё стояли на корню.

Не знает Фёдор, что письмо из дому уже летит по почте. Хорошее, радостное письмо! «Трудодень получился полновесный, — сообщает отец. — Так что дома всё в полном порядке. О нас не беспокойся, сынок, держи в порядке границу родной земли...»

...Жарко натоплена печь, подошло в квашне тесто, самая пора разложить его в формы — и на жарок. Рядовой Никифор Провадо в этих делах дока. Ши у него всегда наваристые, гуляш редкостного аромата и вкуса, а про хлеб и говорить нече-

го — высокий, лёгкий, с нежнейшей корочкой.

Отведают пограничники изделий Никифора Провады и требуют:

— Подкинь-ка ещё!

А Никифор и рад: наедайтесь, дружки, набирайтесь силёнок. Силёнка-то на границе нужна.

И опять разойдутся пограничники по постам, по секретам и дозорам. Опять всё сосредоточено только на одном — на охране границы. Может спокойно спать мать Фёдора Семёнова и тысячи других матерей. Ни один враг не перешагнёт нашу границу. Её надёжно охраняют советские часовые.

Л. ШЕСТАКОВ
Фото Г. ЛУГОВОГО

Нарушитель

(Загадочная картинка А. Илючека)

Тихо на границе. Слышно, кажется, как падают пушистые хлопья снега. Осторожно пробирается враг, совсем не подозревая, что его уже заметили и сейчас схватят.

Найдите четырёх пограничников и двух собак.

„Говори! Я вижу!“

«Кто из вас не знаком с телевизором?»

После такого вопроса в классе вряд ли поднимется хоть одна рука. Задать такой вопрос — означало бы то же самое, что спросить: «Кто не знаком с кино?»

Ну, а если бы мы задали этот же вопрос лет двадцать или тридцать назад?.. Нас бы сразу засыпали вопросами: и что это такое и к чему относится... Долго, долго пришлось бы объяснять, что слово «ТЕЛЕВИДЕНИЕ» — сложное и обозначает «видение на расстоянии», а сам телевизор — это прибор вроде радиоприёмника, только с экраном, на котором, как в кино, можно видеть разные события.

Первые опытные телевизоры тех времён — предки сегодняшних — вряд ли могли увлечь непосвящённого. Громоздкие ящики с множеством ручек и переключателей, а на передней стенке крошечный глазок — экран, чуть-чуть побольше пятикопеечной монеты. Смотришь, смотришь, а там вместо чёткой картинки только неясные тени двигаются.

А сегодня...

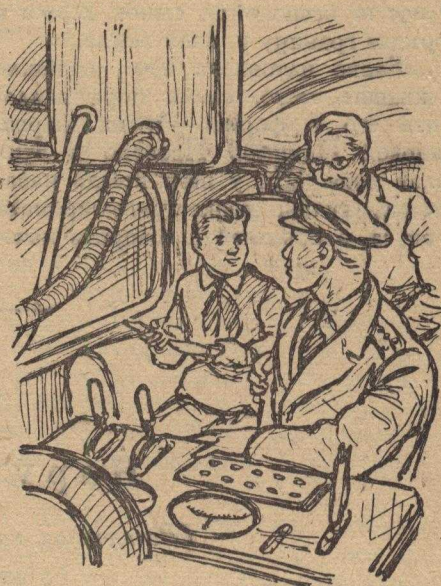
Каждый вечер во многих квартирах раздаётся: «Внимание! Начинаем передачу Ленинградской студии телевидения! Сегодня в программе...»

Чего только не покажет чудесный «телеглаз»!.. Цирковые представления и кинофильмы, боксёрские матчи и военные парады с площадей. Каждый может быть свидетелем самых интересных событий в городе, даже не выходя для этого из дому.

Это СЕГОДНЯ!

А ЗАВТРА?

Что ждёт завтра эту молодую и такую интересную область науки и техники?

Как ещё изменится сегодняшний телевизор в ближайшие годы?

Давайте совершим увлекательную поездку: путешествие в завтрашний день...

Что для этого нужно? Машина времени? Пожалуйста! Назовём её «Мечтой». Пусть это будет сверхскоростной реактивный атомолёт, обгоняющий время.

Входите, рассаживайтесь. Не забудьте застегнуть ремни — ускорение очень велико... Взыли моторы, и крылатая «Мечта» летит в будущее...

Мы летим втроём: ты, читатель, пилот машины времени и я — автор очерка.

Короткий перелёт, и мы у цели. На указателе времени чудесной машины 19..., впрочем, не всё ли равно, какой это будет год. Важно, что он будет.

— Остановимся в гостинице?

— Конечно, только надо позво-

нить и попросить приготовить номер..

У выхода из аэропорта выстроились знакомые кабинки — телефоны-автоматы. С трудом размещаемся втроём в застеклённом пространстве.

Но посмотрите, какой странный телефон: диск с цифрами, всё, как полагается, и тут же экран, большой, слегка желтоватый. А где же главная — трубка?..

Чуть пониже экрана, на стенке аппарата, — выпуклость, закрытая сеткой.

— Давайте наберём номер гостиницы, — предлагает пилот, — может быть, это новая конструкция телефона и трубка не требуется?..

...А 1-38-24!

Но что это? С первой цифрой светлеет экран. И едва успевает последняя четвёрка совершить оборот и встать на своё место, как из глубины аппарата к экрану, ставшему совсем прозрачным, придвигается незнакомое лицо. Человек улыбается и приветливо говорит: «Здравствуйте! Я — администратор! Что вы хотите?» Голос его вылетает из выпуклой сетки и слышен так хорошо, как будто мы сидим рядом и беседуем шепотом. Нас он тоже хорошо слышит и... видит. Так от самых ворот аэровокзала начались для нас неожиданности.

Видеотелефон! Как много слышали мы о нём! Но состояние техники в наше время делало установку ещё дорогой и громоздкой. Ведь каждый аппарат должен представлять собой целую приёмо-передающую станцию. Разве согласится кто-нибудь, чтобы квартирный телефон был величиной с холодильник и стоил бы раз в пять дороже телевизора?.. Конечно, нет! А как же здесь, в будущем? Здесь установка дешева и много места не занимает. Крошечные полупроводнички вместо ламп, плоский экран — вместо большой и тяжёлой трубки... Но мы заговорились. Впереди ещё немало чудес, и надо торопиться.

Вот и гостиница. Зелень. Цветы. Нас проводят в отведённые нам комнаты.

Жаль, что прилетели мы вечером.

Придётся отдохнуть и только с утра начинать знакомство с техникой будущего.

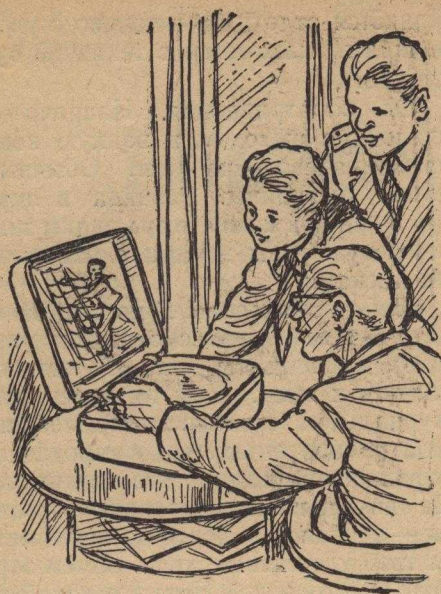
Мы осматриваемся. Направо — спальня с выходом в ванную комнату, налево — кабинет. Обычный номер гостиницы. Разница в том, что в каждой комнате мы видим знакомые уже нам экраны с наборными дисками.

«Всё-таки здорово. В каждой комнате — телефон!» — с оттенком зависти думаешь ты, читатель, и проходишь к окну. Там на низеньком журнальном столике стоит небольшой полированный ящик, вроде патефонного. Крышка его откинута. На внутренней поверхности крышки — зеркало, в котором отражается твоё удивлённое лицо. Зачем зеркало в патефоне? Нет, это какой-то другой аппарат. На том месте, где крепится обычно мембрана или адаптер, целое кольцо каких-то головок и винтиков на подвижном кронштейне. Тут же диск, на который кладут пластинки. А вот и они, круглые, блестящие. Только цвет у пластинок коричневый и гнутся они легко, точно сделаны из резины.

— Давайте поставим одну?..

Мы с пилотом киваем головами в знак согласия, нам и самим любопытно, что это такое. Включается «патефон» — кнопкой. Нажатие и...

*«А ну-ка песню нам пропой,
весёлый ветер,
весёлый ветер,
весёлый ветер.
Моря и горы ты обширил все
на свете
и все на свете песенки слышал...»*

Звонкая, задорная песенка Роберта из кинофильма «Дети капитана Гранта» полилась из скрытого динамика. На зеркале крышки заплескались зелёные океанские волны, и на фоне синего-синего неба с подушками облаков к далёким парусам по вантам полез мальчик. Красный шейный платок развеивается под ударами упругого солёного ветра. Мальчик в матросской курточке лезет и во всё горло распекает:

*«Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт.
Кто весел, тот смеётся, кто хочет,
тот добьётся,
Кто ищет, тот всегда найдёт!»*

Песенка кончилась, и волшебное зеркало погасло. Мы стоим неподвижно, как зачарованные. Потом, спохватившись, достаём ещё одну пластинку, потом ещё и ещё... Песни сменяются танцами. Яркие цветные картины одна за другой появляются

ся на крышке удивительного аппарата, а мы всё смотрим и смотрим. Поистине мы попали в мир осуществлённых мечтаний. Видеофон! Запись звука и цветного изображения на магнитную плёнку. Только плёнка выполнена не в виде длинной ленты, как у магнитофона, а в виде гибкого небольшого диска. Точь-в-точь, как наши долгоиграющие пластинки...

Когда все записи были прослушаны, меня заинтересовала картина в широкой застеклённой раме. Она низко висит на стене перед удобным, широким диваном. В раме симметрично расположилось множество небольших круглых отверстий. Справа укрепленá небольшая табличка. Самое интересное, что по табличке движется стрелка и нанесены деления диапазонов. Совсем как на обыкновенном радиоприёмнике. Но где же он сам?

Я поворачиваю ручку. Ярким голубым светом зажигается верхняя шкала на табличке, и тотчас, как по мановению волшебной палочки, картина пропадает. Будто стёрли её резинкой. Теперь в раме светится огромный экран телевизора. По его поверхности бегут чёрточки, вспышки... Я осторожно вращаю ручку. Стрелка на шкале пришла в движение, плавно поехала налево. И вдруг... из круглых отверстий в раме полилась музыка. Мы сразу узнаём оперу «Иван Сусанин». Ещё один поворот, и перед нами уже не экран, а окно, распахнутое в зрительный зал Большого театра. Идёт конец второго действия. Но кто поёт? Случайно я задел рукой вторую ручку, и сцена двинулась навстречу. Изображение увеличилось. Я ещё покрутил, картинка стала ещё больше. Теперь я могу во всех деталях рассмотреть седобородого Сусанина так, как будто сижу в первом ряду партера. Не верится, что действие происходит на экране телевизора, так красочно и объёмно изображение. Я даже ловлю себя на желании влезть в это окно и посмотреть, много ли народа в театре.

Медленно стал опускаться занавес. Тяжёлые бархатные складки за-

полнили экран. Голос диктора произнёс: «Окончилось второе действие оперы Глинки «Иван Сусанин», которую мы транслируем из Москвы...»

Из Москвы! Сюда, в Ленинград, из столицы спокойно транслируется объёмная цветная передача. И, наверное, не только в Ленинград... А ведь там, дома, в 1957 году мы были свидетелями первого опыта такой трансляции. Но картинка была чёрно-белой и порой так неясна, что смысл её можно было разгадать только благодаря сильно развитому воображению.

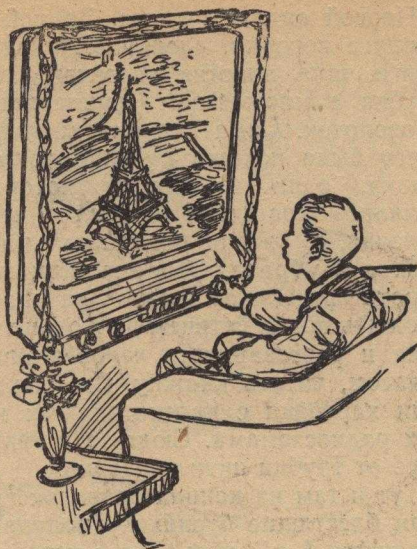
Но что же дальше? И я снова принимался вращать ручку настройки.

Из всех сегодняшних чудес — это самое замечательное. Варшава и Рим, Владивосток и Пекин, Дели и Париж побывали на большом экране за время моего путешествия по шкале. И, независимо от расстояний, каждый раз при настройке на очередную станцию экран превращался в окно, распахнутое в далёкий, далёкий мир...

Часы пробили двенадцать, когда я, наконец, оторвался от телевизора. Щелчок выключателя — и снова на месте экрана красивая картина, нарисованная на стекле. Ты, читатель, уже давно сморился от обилия впечатлений и, свернувшись калачиком, прикорнул на широком диване. Пилота в комнате не было. Я нашёл его в кабинете погружённым в чтение толстой книги. Лётчик был так увлечён, что не заметил, как я подошёл к нему сзади.

По странице мелким бисером рассыпались буквы. Я подождал немного. Пилот дочитал страницу, нажал какую-то пуговку сбоку, и одна страница сменилась другой. Я даже не заметил, как это произошло.

Буквы просто растворились, и на их месте возникла живая картинка. Окружённые густым тропическим лесом, поднимались из-за пальм скалы. Над ними летел малюсенький самолётик. Неожиданно дверца самолёта распахнулась и оттуда вывалился комочек, который тут же превратился в яркий парашют. Секунда, другая и парашютист повис

на вершине пальмы. Так на моих глазах движущаяся картинка показала то, о чём только что прочитал лётчик. Он снова нажал кнопку, и на месте картинки опять появился текст.

— Что это? — спросил я.

— Книжка-неперечитайка!

Пилот повернул книгу обратной стороной, и я увидел на корешке множество названий. Возле каждого стояла кнопка. Нажмёшь её и сразу на развороте появится первая страница той книги, которую ты выбрал по оглавлению на корешке.

— Здорово! — восхитился я. — Целая библиотека в одном томе!..

Но лётчик перебил меня:

— Подождите, это ещё не всё... — Он повернул какой-то рычажок — и книга... заговорила. Да, да, заговорила сама! Мягкий голос с выражением принялся читать одну фразу за другой. Выходит, устал сам читать, можешь заставить книгу рассказывать свои истории. И лежи, полёживай с закрытыми глазами, слушай...

Но почему стали возможны такие чудеса? И что в книге внутри такого особенного? И вот лётчик, которого тоже очень заинтересовала конструкция «книги», вынул из кармана нож, открыл запасное лезвие и, действуя им, как отвёрткой, отвинтил несколько винтов.

Первой снялась рамка. За ней в корпусе коробки, сделанной в виде книги, шла плоская телевизионная трубка с множеством припаянных проволочек. Сама трубка больше всего была похожа на толстую лепёшку, одна из сторон которой являлась экраном. Я потянул за проволочки, и со дна поднялась пластинка-мембрана. Это она при повороте рычажка звука начинает дрожать под действием проходящего тока и разговаривать человеческим голосом, читать книжку. Ещё ниже шли картонки с напечатанными на них радиосхемами. Сюда-то и тянулись от трубки нити проводов.

Тут и там на концах проволок висели блестящие бусинки — полупроводнички. А в самом уголке коробки была укреплена батарейка величиной со спичечный коробок. Её энергии вполне хватало на работу малютки-полупроводничков. Теперь всё стало понятно. «Книжка-неперечитайка» была тоже телевизором. Произведения различных авторов, записанные на тоненьких стальных волосках магнитным способом, прятались в кассетах тут же в корпусе книги. Волоски были намотаны на катушки. И вот когда нажимали кнопку, включалась та или другая катушка, и на экране одна за другой проходили страницы выбранной книги. Точно так же были записаны и подвижные иллюстрации.

Вот сколько чудес увидели мы за один вечер в номере гостиницы будущего! А мы-то думали, что придётся проскучать весь вечер. Знакомый всем телевизор неузнаваемо переменялся. У него появились сёстры и братья, а картинка на его экране разукрасилась разными цветами и получила объём.

Наше короткое путешествие подошло к концу. Пора возвращаться. Остаётся только посмотреть на указатель времени «Мечты» и ответить на главный вопрос: сколько же лет придётся ждать нам этих чудес?

Вопрос сам содержит в себе и ответ. Если ЖДАТЬ, то долго!.. Во всём, что мы увидели, нет ничего принципиально нового, того, что нужно открывать или выдумывать. И полупроводнички и плоские телевизионные трубки известны учёным. Есть опытные установки цветного и объёмного телевидения. Существуют передачи, целиком записанные на магнитной плёнке. А некоторые радио-, вернее, телелюбители давно принимают на своих приёмниках изображение из различных стран.

— Тогда в чём же дело? — спросят самые нетерпеливые.

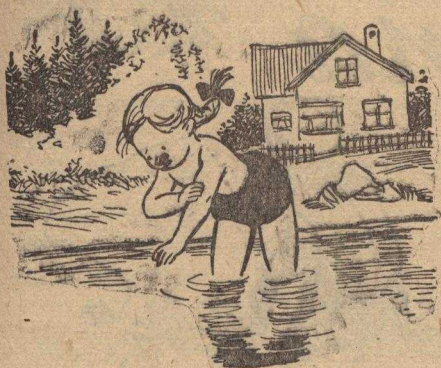
И я отвечаю: «Дело в вас самих!» Телевидение — молодая наука. Четверть века назад создано было первое волшебное зеркало — телевизор, с крошечным экраном. И за эти годы экран вырос в двадцать пять раз. А сам телевизор из технического «чуда» превратился в привычную вещь. Но ещё многое не усовершенствовано. То, о чём мы только что говорили, это недалёкое будущее. Уже сейчас учёные и инженеры разрабатывают первые, правда, далеко не такие совершенные, образцы описанных приборов. И не только этих, конечно. Телевидение таит в себе величайшие возможности. Но большие дела требуют и большой работы.

Подрастайте быстрее, быстрее беритесь за дело. Ведь это именно вам, сегодняшним школьникам, выпадает чудесная доля довести эти опыты и эксперименты до конца,

Утром

Татка к речке бежит,
Прыгают косички,
Речка сразу освежит
Заспанное личико.

Полотенце разотрёт
Розовые плечики.
Сон как будто пропадёт,
Уплывёт по речке.

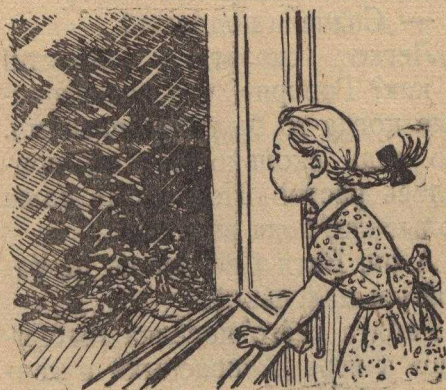
Татка вышивает

Татка шила — вышивала,
Потихоньку напевала.
Нитки синие взяла —
Колокольчик начала.
Нитки красные —
 для кашки,
Кашку яркой сделает,
А вот эти — для ромашки:
Жёлтые и белые.
Татка шила — вышивала,
Потихоньку напевала.

Дождь

Серые тучи
Над садом висят,
Серые тучи
Заплакать хотят.
Остыла погода,
И стало темно.
Татка открыла
Тихонько окно.

Брызнули тучи
Упругим дождём.
А гром... Будто плотник,
Работает гром.
Шляпки дождинок
Вбивает везде.
Откуда у тучи
Столько гвоздей?

Сергей СКАЧЕНКОВ

Рисунки Ю. Лобачёва

Приказ Командира

РАССКАЗ

ВСЕ люди совершали по отношению к Вите Светлякову одну и ту же несправедливость. Будто сговорившись между собой, они называли его маленьким.

Взрослые не упускали случая, чтобы напомнить ему:

- Ты ещё мал!
- Тебе ещё рано!
- Сначала подрасти!

Легко сказать: подрасти! А как? Говорят, что все взрослые когда-то были маленькими. Но ведь сколько лет им пришлось расти! Некоторые даже полысели, пока выросли.

А он, Витя Светляков, не такой уж маленький.

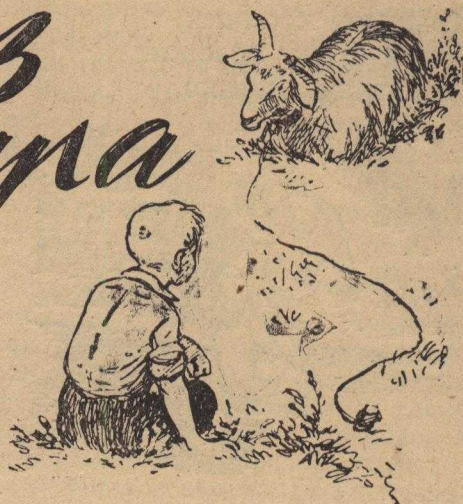
Ребята всего посёлка готовились к игре в «красных» и «синих». Командиром «красных» был Светляков, только не Витя, а Юра, его брат.

А вы знаете, что такое старший брат? Это ещё хуже, чем старшая сестра. Гордый, важный и дерётся. Подумаешь, удалось родиться на три года раньше!

В первый день игры Витя попросил брата:

— Возьми меня.

Юра усмехнулся:

— У нас не детские ясли, а отряд.

— Если ты не возьмёшь меня, — со слезами в голосе сказал Витя, — я завтра заболую и мама никуда тебя не отпустит! Будешь мне лекарства подавать!

— Возьму, возьму, только не вздумай болеть! — ответил Юра.

Между нами говоря, он решил перехитрить младшего брата: встать пораньше и убежать из дому.

Юра проснулся, едва солнце заглянуло в окно. Он открыл глаза и увидел Витю.

— Здравия желаю, товарищ командир! — сказал младший брат.

— Вольно, — грустным голосом проговорил Юра.

На месте сбора отряда был один мальчик, смешной такой — толстый, похожий на повара. Он держал за верёвку большую козу.

— Несчастье! — прошептал мальчик. — Вчера мать козу ку-

пила. Пасти заставляют, пока загородку не сделали. Вот удовольствие!

Юра отозвал мальчика в сторону и прошептал:

— Поручим козу Витьке. Пусть вместе пасутся. Травку щиплют.

Мальчики восторженно захотали.

Когда весь отряд был в сборе, Юра скомандовал:

— Рядовой Светляков, два шага вперёд!

Младший брат почувствовал, как радостно забилося его сердце. Вите хотелось запрыгать от радости, но он сдержался, замер, вытянув руки по швам. Теперь Юра был для него не просто старшим братом, а командиром отряда. А сам Витя был уже не шестилетним малышом, а бойцом.

— Рядовой Светляков! — приказал командир. — Охраняйте обоз нашего боевого отряда! Смотрите в оба!

Витя не видел насмешливых улыбок, он посмотрел на козу и твёрдо отчеканил:

— Есть, товарищ командир!

Коза была большая, лохматая, с одним длинным рогом. Вместо другого торчал отросток, похожий на шишку. Коза лениво жевала траву и поглядывала по сторонам жёлтыми глазами. Вите казалось, что она смотрит на него и ждёт случая, чтобы боднуть его своим единственным рогом.

Если бы не боевой приказ, у Вити не хватило бы смелости стоять рядом с этим страшилischem.

Длинной верёвкой коза была привязана к колышку. Витя присел. Коза тоже опустила на землю и задремала, продолжая жевать.

Тишина.

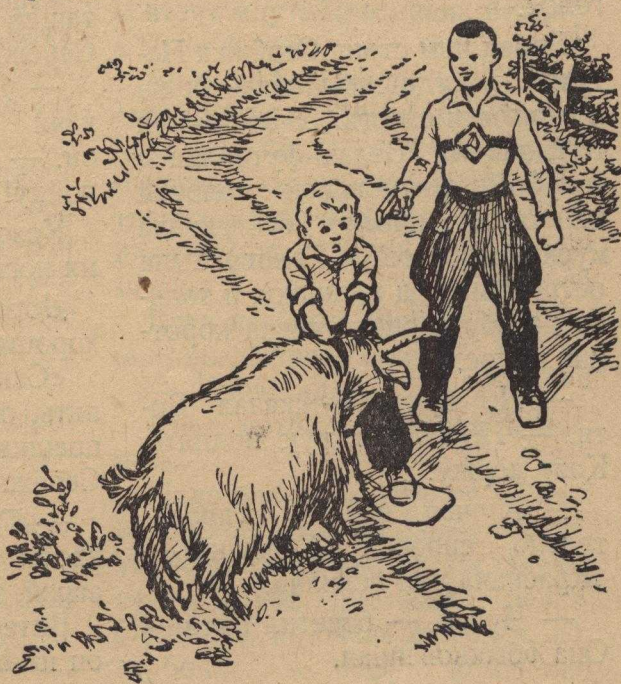
Где-то вдали идёт, наверное, бой, а ты сиди и карауль козу.

Вдруг откуда ни возьмись появилась маленькая тонконогая собачонка. Запрыгала, затаивала.

Коза испуганно вскочила и попятилась. Собачонка тьякала и тьякала, захлёбываясь от злобы.

Тогда коза рванулась, выдернула колышек и поскакала по дороге. Сзади волочилась верёвка.

Витя побежал следом. Соба-

чонка ещё немного потявкала и отстала.

Мальчик бежал и не сводил глаз с извивающегося конца верёвки. Потом он прыгнул, наступил на верёвку обеими ногами и растянулся на земле.

Коза остановилась в стороне. Витя потирал ушибленные локти. Казалось, коза не обращает на него никакого внимания. Он нагнулся за верёвкой, коза пустилась наутёк.

Мальчик стал настороженно следить за ней. Когда она принялась щипать траву, Витя прыжком подскочил и намотал верёвку на руку.

Отдышавшись, он потянул за ошейник. Коза низко нагнула голову и не двинулась с места. Мальчик обошёл её сзади и стал толкать руками. Коза ни с места.

— Стой! Руки вверх! — услышал Витя громкий, радостный голос.

Перед ним стоял Серёжка Петухов — худощавый мальчишка в галифе и сапогах с широкими голенищами. Белая футболка с голубой динамовской полосой на груди плотно обтягивала мускулистое тело. Голова была острижена под машинку, и только на лбу чернела чёлка коротких волос.

— Не кричи, — сказал Витя. — Не могу я рук поднять. Козу держу.

— А чья она? — подозрительно спросил Серёжка. — «Красная» или «синяя»?

— Чудак, — ответил Витя. — Она обыкновенная.

— Кто дурак? — возмутился Серёжка.

— Не дурак, а чудак, — объяснил Витя.

— Ты хитрый! — Серёжка погрозил пальцем. — Меня, брат, не проведёшь, я разведчик, я смекалистый, ёлки-палки.

— А ты кто? — спросил Витя. — «Красный» или «синий»?

— Так я тебе и сказал! Из меня, брат, военную тайну не вырвешь, ёлки-палки! Я хоть и за «синих», но... — тут Серёжка прикусил язык. — Ты ещё маленький, ничего не понимаешь! Пошли в наш штаб! Бери свою козу и марш за мной!

— Попробуй сам, — сказал Витя и неуверенно добавил: — брат, ёлки-палки.

Он на всякий случай запомнил, что имеет дело с «синими».

Серёжка потянул верёвку. Как и следовало ожидать, коза нагнула голову и упёрлась. Протащив козу несколько шагов, Серёжка остановился.

— Я тебя вместе с козой взял в плен, — проговорил он. — Я без вас в штаб не пойду!

Коза упиралась всеми четырьмя ногами...

Дорогу в штаб Витя запомнил хорошо.

«Синие», а их было человек пять, окружили его и стали допрашивать. Громче всех кричал Серёжка:

— Где у вас штаб? Вот закрою тебя вместе с козлом в сарай, тогда узнаешь!

Вите было очень страшно, но он не подал виду и объяснил:

— Это не козёл, это наоборот — коза. Молоко даёт.

— Я вот тебе дам! — снова закричал Серёжка. — Меня, брат, не проведёшь! А ну, отпусти козу, ёлки-палки!

Нет, козу нельзя было отпустить. Ведь она могла привести «синих» прямо к штабу «красных». Поэтому Витя предложил ребятам вести козу.

— Я покажу вам, где штаб, — сказал он.

План удался. Коза упрямылась. «Синие» тащили её, кто за длинный рог, кто за верёвку, кто за ошейник. Четыре козьих ноги оставляли на дороге глубокие следы.

— Иди ты со своей козой, куда хочешь, — пробормотал, отирая пот, Серёжка. — У нас дела поважнее есть. А тебя, брат, я насквозь вижу. Меня не проведёшь. Я смекалистый, ёлки-палки.

«Синие» ушли, едва передвигая уставшими ногами. Витя стал размышлять, как же сообщить своему командиру, где находится вражеский штаб?

Он посмотрел на козу и вдруг заметил, что глаза у неё вовсе не злые, а добрые, а что она очень устала. Мальчик почесал ей за ушами, она приняла ласку — потёрлась мордой о его колено.

— Пойдём-ка в штаб, — прошептал Витя. — Приведём сюда наш отряд.

Коза мотнула головой и двинулась вперёд.

Сначала Витя забавлялся, стараясь идти с ней в ногу, но вспомнив, что он охраняет обоз

боевого отряда, мальчик зашагал широко, твёрдо. Так шагает солдат, выполнивший приказ командира.

В штабе очень обрадовались сообщению. Ребята быстро обсудили план атаки, разбились на группы и пошли окружать «синих». Витя опять остался с козой. Он обнял её и пожаловался:

— Сейчас они «ура» кричат. В атаку идут. Противник бежит, а мы с тобой...

Витя легко представил, как «красные» окружают штаб «синих». Но когда он стал придумывать, какими дорогами противник может выйти из окружения, ему сразу пришла в голову мысль...

Витя вскочил, быстро заговорил, поглаживая козу:

— Идём, идём...

Коза мотнула головой и пошла.

Надо было торопиться. Витя вспомнил, что «синие» могут убежать через мостик. Недалеко от их штаба протекала речка Петлянка, не очень широкая, но глубокая. А вдруг командир

Светляков забыл об этом мостике?!

Витя с козой подоспел к мостику в тот самый момент, когда «синие» выбегали из лесу.

Впереди всех бежал Серёжка. Что делать?

Подталкивая козу, Витя загнал её на мостик. Он был узенький и бежать мимо козы было рискованно.

— Уходи с дороги! Уходи с дороги! — не своим голосом

кричал Серёжка Петухов. — Плохо будет! Убирай своего козла!

Путь к отступлению был закрыт.

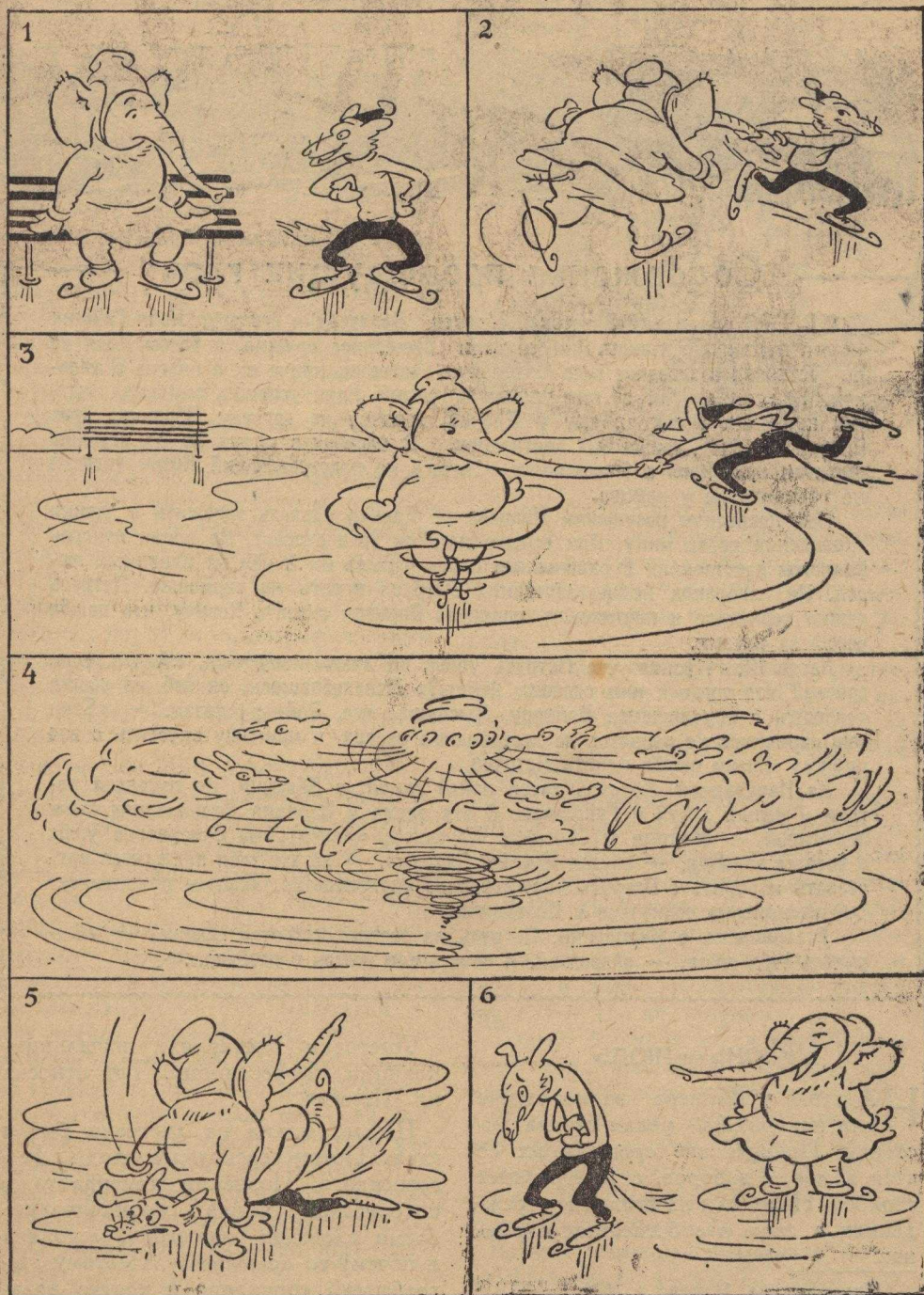
Серёжка бросился бежать по берегу, но ему навстречу шли «красные».

Коза стояла на мостике, нагнув голову и выставив вперёд длинный рог.

Так никто из «синих» и не осмелился пробежать по мостику.

ОЗОРНИК НАКАЗАН

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

В О ВРЕМЯ оккупации Брестской области Володька и его друг Коля Гайшик помогали партизанам. Они собирали брошенное оружие, а потом Коля не раз доставлял в соседнее село Ивацевичи листовки, пряча их в бидоне с молоком. Как ни следил за ним предатель Козич, Коля успешно выполнял задания партизан. Помогала ему и Еленка, девочка из деревни Яблонки. Брат Еленки, Петрусь, также был партизаном. В последнее время он по заданию партизан находился в Ивацевичах. Ничего не подозревающий Козич устроил его гармонистом у немцев.

При последнем посещении Ивацевичей Еленке удалось заложить в здании Управления войта мину. При взрыве погибли трое старост. Во время похорон фашисты расстреляли 9 схваченных после взрыва ни в чём не повинных людей. На похоронах немцы заставили Петруся играть на гармошке. Петрусь решил вернуться к партизанам, попросив Варвару сказать Козичу, что пошёл домой за нотами.

Когда Козич узнал, что Петрусь ушёл, он очень испугался. «А что, если совсем? Что тогда с ним сделают немцы?» Поколебавшись, он всё же решил доложить о случившемся Вайнеру. Выслушав его, Вайнер сказал: — «Если ваш гармонист не вернётся до завтрашнего вечера, я прикажу спустить с вас шкуру». Козич пошёл искать Петруся...

Из Ивацевичей Петрусь хотел пойти домой, в Яблонку, но побоялся погони и решил зайти к Гайшикам. В это время у Василия Демьяновича были партизаны — Мартын и Сергей с Ванюшей. «Значит, ты самовольно ушёл с боевого задания, — сказал Мартын Петрусю, — за это тебя полагается арестовать и судить». Петрусь чистосердечно раскаивается. Мартын приказывает ему немедленно вернуться в Ивацевичи.

Возвращаясь в Ивацевичи, Петрусь на заставе встретил Козича. — «Выручать тебя шёл», — сказал он. И вместе они вошли в посёлок...

Июнь — июль

НА столе у Вайнера за последние дни накопилась целая стопка листовок. Полицейские срывали их со стен домов, с заборов, с телеграфных столбов. Находили на столах в учреждениях и даже в собственных карманах.

Продолжение. Начало в №№ 2-3—12.

Листовки доставляли начальнику полиции Негребецкому. Тот относил их Штумму.

Штумм пялил на листовки бычьими глазами. Потом переводил взгляд на Негребецкого. Познания коменданта в белорусском языке ограничивались тремя словами: «самогон», «сволич» и почему-то «рыбашка». Поэтому Негребецкий торопливо и кратко изла-

гал начальству содержание листовок, стараясь смягчить «резкие» выражения. Он знал бешеный нрав Штумма и боялся вызвать у коменданта вспышку гнева.

Штумм мычал что-то невнятное. А когда Негребедский уходил, бережно, насколько позволяли коменданту его негнувшиеся пальцы, засовывал листовки в конверт, запечатывал его, надписывал в углу «Совершенно секретно» и отсылал с вестовым Вайнеру, приказывая передать «лично, в собственные руки».

Штумм видел в окно, как торопливо выскакивал вестовой на улицу, и тотчас начинал мысленно представлять себе, как этот выскочка Вайнер берёт конверт, достаёт из него листовки. Как сходит с лица Вайнера выражение самодовольства и покоя. Оно бледнеет. Вайнер нервно кусает губы.

Штумм довольно улыбается.

А Вайнер действительно кусал губы, тщательно разглядывая листовки. Здесь были и тетрадные листки, и какие-то старые накладные, и куски обоев и оберточной бумаги. Тексты листовок были то напечатаны на машинке, то написаны от руки разными карандашами и чернилами, разными почерками, порой с орфографическими ошибками. Вайнер тщательно рассматривал листовки, будто по бумаге или почерку мог определить писавшего.

Потом клал их в стопку на столе и начинал вымеривать комнату шагами.

Всё больше и больше становится стопка. Он не убирает её в стол. Нет. Пусть она лежит здесь, на виду, напоминая ему о высокой миссии. Он, Вайнер, должен сломить непокорных, утвердить власть фюрера. Это — его единственная дорога в высокие сферы. Он сам избрал её. Он готовился к ней, изучал русский язык, обычаи и религии славян, их характер, способы ведения хозяйства — всё, что должно было пригодиться ему. И вот пришла пора. Он сумел добиться назначения в Западную Белоруссию. Здесь ещё не так окрепло влияние этих фанатиков — коммунистов. Здесь легче «работать». Есть на кого опереться.

Кропотливо, день за днём, созда-

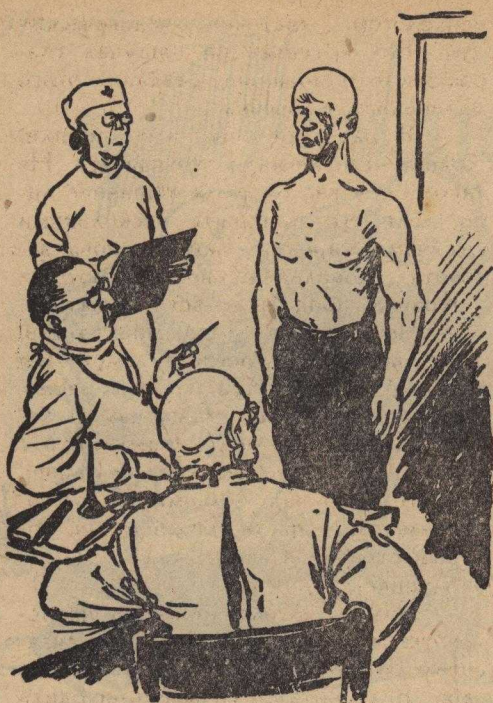
вал он агентурную сеть — свои глаза и уши: уголовники, националисты, кулаки, вернувшиеся на родину белые эмигранты. Ему казалось, что щупальцы его проникли в самую гущу народа.

А стопка листовок на столе растёт. Их можно и не читать. «Смерть немецким захватчикам!», «Кровь за кровь!», «Да здравствует Советская власть!»...

Он расстрелял девятых — будто камень бросил в пруд. Откуда-то из глубины поднимаются мутные волны и яростно бьют о берег. Нюхом разведчика улавливает он движение вражеских сил. Всё беспокойнее становится на дорогах. Пустеют сёла. Люди уходят в леса. Коммунисты плетут паутину — его не обманешь!

Только бы ухватиться хотя бы за одну невидимую нить! Накрыть партизан в лесу, пока у них нет оружия и они не окрепли, пока стоит лето, дороги сухи и можно подвезти артиллерию. Он уверен, что там же, в лесу, их подпольный райком — мозг и сердце сопротивления.

Вайнер вымеривает комнату шагами. Нет, он не уберёт со стола эту стопку листовок. Пусть она напоми-

нает о том, что надо действовать быстрее и решительнее.

В СЕРЕДИНЕ июня поправился Крашке. Удивительное искусство доктора Краммера поставило его на ноги. Правда, у него остался только один правый глаз и на лице, испещрённом шрамами, остались синие пороховые пятна.

Перед выпиской из госпиталя Крашке предстал перед медицинской комиссией.

Краммер с удивлением посмотрел на плоды своей работы, довольно хрюкнул и сказал:

— Ну и образина же у вас!

Начальник госпиталя сердито пошёл плечами:

— Неуместно, доктор Краммер...

Краммер вскинул брови:

— Некоторым образом эту физиономию делал я. Как вас там?.. Крашке? Сейчас нет времени. А когда кончится война, — если она вообще когда-нибудь кончится, — отыщите меня. Я с удовольствием поставлю на вашем лице всё на свои места.

Крашке молчал.

Начальник госпиталя поднялся из-за стола:

— Теперь вы здоровы, Крашке, и мы полагаем, снова сможете служить нашему обожаемому фюреру! — он выбросил руку вперёд и вверх и воскликнул: — Хайль Гитлер!

Все, кроме Краммера, торопливо вскочили.

— Хайль!

— А домой? — спросил Крашке.

— Успеете и домой, — ласково сказал начальник госпиталя, подошёл к Крашке и похлопал его по плечу. — А пока останетесь при госпитале.

— В качестве наглядного пособия по лицевой хирургии? — усмехнулся Краммер.

— В качестве санитара, — жёстко сказал начальник госпиталя.

— А как же домой? — снова спросил Крашке.

— Об этом мы поговорим особо, — увильнул начальник госпиталя от ответа. — Идите, Крашке, вы свободны. Все тоже свободны. Доктор Краммер, оставайтесь.

Все ушли. Краммер остался сидеть, ссутулясь и положив руки на колени.

Начальник прошёлся по кабинету.

— Это становится невыносимым, доктор Краммер.

— Что именно, господин начальник?

— Вы забываете, что он — нижний чин. Как понимать ваши слова «если она вообще кончится»?

— Кто она, господин начальник?

— Наша победоносная война. Вы, что же, не верите фюреру?

Краммер пожал плечами:

— Я верю только в хирургию.

— Фюрер, подобно великому хирургу, взял в руки скальпель, чтобы, вскрыв карыв коммунизма, изменить лицо мира.

Краммеру вдруг стало весело. Он хрипло рассмеялся:

— Это вы ловко подметили... Хирург... Меняет лицо... Вы видели лицо у этого Крашке?

Начальник госпиталя покраснел:

— Вы забываетесь, Краммер! Речь идёт о нашем фюрере!

— О хирургии, господин начальник, о хирургии... — Краммер встал и, не спрашивая разрешения, направился к двери. В дверях обернулся, вдруг подмигнул, вскинув рыжие брови:

— Честное слово, начальник, если вы когда-нибудь попадёте ко мне на операционный стол, я дополнительно произведу трепаназию черепа. Науки ради.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь. Начальник госпиталя задохнулся от гнева, повернулся резко, сбил со стола какую-то пробирку. Тоненько звякнув, она разлетелась на мелкие осколки.

Отто привёл огорчённого Крашке к Вайнеру.

Вайнер был ласков. Усадил солдата против себя на стул. Сел сам.

— Как вы себя чувствуете, Крашке?

Крашке решил во что бы то ни стало добиться демобилизации или хотя бы отпуска. В конце концов, он заплатил за это глазом.

— Плохо...

— Врачи считают состояние вашего здоровья удовлетворительным.

— Им двумя глазами виднее, — зло сказал Крашке.

— Вы настаиваете на отправке домой?

— Да.

— Хорошо. Обсудим это спокойно. Ввесим всё и решим. Кто вас ждёт дома?

— Берта.

— Жена?

— Невеста.

Вайнер откинулся на спинку стула и захохотал. Крашке настороженно смотрел на него единственным глазом. Вайнер вдруг резко оборвал смех, черты красивого лица стали жёсткими. Он наклонился к Крашке и произнёс, отчеканивая каждое слово:

— Вы — урод, Крашке. Ни одна девушка не выйдет за вас, за такого, замуж. Ваша невеста удавится, прежде чем пойти с вами к венцу. Вы это понимаете?

Крашке съёжился, будто от удара. Безобразное лицо его покраснело, на нём ещё отчётливее проступили белые полосы шрамов. Он заплакал.

Отто, стоявший у окна, побледнел и отвернулся. Его корбило от этой бессмысленной жестокости.

А Вайнер был доволен впечатлением, которое его слова произвели на Крашке. Вайнер считал себя тонким

психологом, знатоком человеческих душ. Вот и сейчас он нацупал слабое место и морально раздавил этого маленького человечка.

— Я рад, что вы это поняли, Крашке. Но не надо отчаиваться. Не такое уж у вас будет безобразное лицо, если его прикрыть несколькими тысячами марок! — Вайнер снова захохотал, довольный своей остротой.

Крашке продолжал всхлипывать.

— Через месяц — два, может быть, даже раньше, вы поедете домой. Вы храбрый солдат, Крашке. Вы заслужили долгий отпуск. Разве вам не хочется приехать домой с деньгами и с крестом от самого фюрера? — Вайнер немного помолчал. — Помните, вы говорили, что узнаете того негодяя, который стрелял в вас?

Крашке кивнул.

— Больше от вас ничего и не потребуется. Я дам вам деньги и сигареты. Будете пока торговать на базаре. В госпиталь можете приходить только ночевать. Если появится тот парень, — дайте мне знать и не упускайте его из виду. Он нам нужен. А вы отомстите ему, получите двадцать тысяч марок, и ваша невеста с удовольствием выйдет за вас замуж.

Вайнер видел, как высохли слёзы Крашке и в единственном глазу вспыхнул алчный огонёк. Вайнер был

доволен, он не зря считал себя знатоком человеческих душ.

На следующий день на базаре появился одноглазый немецкий солдат — инвалид, с безобразным, покрытым синими пороховыми пятнами лицом. Он торговал сигаретами разных сортов. Первое время заправские торговцы поглядывали на него с любопытством, но потом привыкли и перестали замечать.

НЕМЕЦКИЕ армии продвигались к Волге. Сводки ставки фюрера были полны оптимизма: «Разгромленные части Красной Армии торопливо откатываются на восток. Временное поражение под Москвой ничего не значит. Ленинград обстреливается и с часу на час должен сдаться. В основном Красная Армия уничтожена. Вперёд! Победа близка!»

Но Вайнер не успевал радоваться сводкам. Прошёл июнь, а партизаны всё ещё не были разгромлены. На дорогах стало ещё беспокойнее. Агентурная разведка работала из рук вон плохо.

Вайнер сформировал карательный отряд и рассредоточил его, чтобы не привлекать внимания партизан, не спугнуть их. Часть отряда разместил в деревне Святая Воля, на узкоколейке Ивацевичи — Телеханы. Оттуда удобно было нанести удар по партизанскому лесу.

Часто Вайнер совещался с офицерами, тайно разрабатывая план решительного разгрома партизан.

А в это время в лесу в штабной землянке собирались партизанские командиры — Алексей, Сергей, товарищ Мартын, комиссар отряда — молодой темноволосый, с крутыми бровями, чуть запавшими серыми смешливыми глазами Иван Терещенко.

У них тоже прибавилось забот. В

отряд прибывали люди. Рядом с боевым лагерем вырос второй — семейный. Там в землянках и временных шалашах разместились старики, женщины, ребятишки. Росло отрядное хозяйство — росли и заботы. Но главной из них оставалось — оружие. Вот-вот должна была наладиться связь с Москвой, но пока она не налажена, надо добывать оружие для отряда у врага. Ждать нельзя. Тем более, что, судя по данным разведки, враг что-то затевает.

Довольно крупный отряд разместился на узкоколейной железной дороге Ивацевичи — Телеханы. Начальником станции Святая Воля назначили немца. К чему бы это? Видимо, будут вывозить заготовленные ещё в прошлом году дрова.

В жарких спорах родился план операции. План был дерзок, но в этом-то и было его основное достоинство.

Началась тщательная разведка в районе узкоколейки. Производила её группа во главе с Сергеем. Конечно, в группе был и закадычный дружок Сергея Ванюша, которого прозвали в отряде «Молчуном».

Сутками пролеживали партизаны в придорожных кустах, наблюдая за сменой караулов, средствами связи, за распорядком дня в карательном отряде. Уже чуть ли не всех солдат знали в лицо, не говоря уж об офицерах. Работа разведчиков была сложной и кропотливой. Все передвижения производились скрытно. Все данные разведки ещё и ещё раз проверялись, сопоставлялись.

Наконец на основе этих данных был разработан окончательный, подробный до мельчайших деталей план операции.

В одну из августовских ночей из лесного лагеря вышел крупный отряд партизан во главе с Алексеем и, вытянувшись в цепочку на болотной тропе, зашагал на восток.

(Продолжение следует)

Кого ты не видишь...

Ты пришёл из школы, отдохнул, сделал уроки. Всё, как обычно. Но сегодня у тебя особенное настроение — вечером ты идёшь в театр...

И вот ты у подъезда своего театра, который называется коротким словом — ТЮЗ. Горят фонари. Человек с большой бородой открывает тебе дверь, приглашая войти в вестибюль. В вестибюле тебя встречают театральные педагоги и помогают раздеться. Наконец ты проходишь в зрительный зал.

Рассаживаются музыканты в оркестре. За пультом появляется дирижёр. Медленно гаснет свет в зале. Начинается спектакль...

Бурно плещутся волны, и, взлетая на гребнях пены, плывёт лодка... А вот закружилась метель, поднялась буря, и две заснеженные ели превратились в человеческие фигуры в белых шубах...

Топают ногами кони-богатыри... Плывёт по небу луна... Дворцовая зала в несколько секунд уступила место простой избе...

Открылась дверь и появилась коза. Она хитро поглядывает и крадёт из бочки селёдку.

Тихо переговариваются клёны, отражённые в воде.

Всё это ты видел на спектаклях ТЮЗа. Ты видел актёров, которые играли Городничего, Гайдара, Павку Корчагина, Джульетту, Гаврика, королеву, волка, барсука, оленёнка...

Но задумался ли ты над тем, кто сделал бурные волны или снежную метель, кто сшил костюм, построил дворцовую залу и казарму, вылепил красивую вазу, превратил тихую ночь у костра в яркий день?

Вот об этих людях, которых ты никогда не увидишь на сцене, мы и поведём рассказ.

Дай руку, юный друг, попутешествуем по театру.

1. КАРАНДАШИ И КРАСКИ

В ОДНОМ спектакле на сцене русские берёзки и простые комнаты, в другом — корабли и причудливые кактусы, в третьем — дворец и необыкновенные кони.

Всё зависит от того, где происходит действие пьесы, какой уголок жизни изображён писателем.

Зайдём в эту комнату. На ней надпись — «Художники». Значит, здесь рисуют? Да, конечно. Столы. На столах большие листы бумаги, карандаши, линейки, краски.

Перед художницей Натальей Николаевной Ивановой лежит пьеса. «Действие первое, — читает она. — Небольшая комната. За окном видны деревья. В комнате обычная мебель». Наталья Николаевна прочитывает всю пьесу, затем берёт карандаш, хочет рисовать, но задумывается... Над чем? Всё так просто — комната, обычная мебель, за окном дерево... А думает она вот над чем: какая это комната, какая мебель, какое дерево? Ты хорошо знаешь, что твоя комната не похожа на комнату твоего приятеля. Казалось бы, есть и стол, и лампа, и книги, и стулья, но не похожа. В комнатах мебель и остальные вещи расположены так, как удобно жильцам. Да и сами вещи бывают разные. Папа получил премию, и вы недавно купили новый шкаф, а у твоего приятеля шкаф старый, он ещё служил бабушке. И если внимательно посмотреть, на всём, что окружает человека, есть отпечаток его профессии, характера, привычек. Вот художник и думает, а какая комната у этого человека, который изображён в пьесе? Чем отличается он от других, что он лю-

бит, читает ли он книги, захочет ли он повесить на стены картины и т. д. Разобравшись в характере человека, поняв его, художник начинает рисовать на бумаге ту комнату, в которой мог бы жить герой пьесы. Приходится делать много рисунков, прежде чем удаётся найти именно такую комнату.

За соседним столом работает другой художник — Берман. Он работает над пьесой-сказкой. Он уже решил, какие деревья, дворцы, лошади должны быть у него в спектакле. И сейчас свои рисунки переводит в чертежи. Ведь все декорации надо строить. А для этого нужны точные размеры. Сегодня у него в руках не кисти, а линейка и циркуль. Он вычерчивает на бумаге будущую декорацию, указывая размеры стола, высоту стен, ширину окон.

Сколько за свою жизнь художник сделает декораций для разных пьес!

Он должен не только уметь рисовать, не только чертить, но ещё уметь почувствовать всё, о чём говорится в пьесе. И, конечно, он очень многое должен знать о разных людях, разных временах, разных странах. Он должен знать литературу и живопись, историю и географию, математику. Да, чтобы быть хорошим художником, надо очень много знать.

2. СТОЛ ВЕЛИЧИНОЙ В СПИЧЕЧНУЮ КОРОБКУ

ТЕПЕРЬ, когда нарисованы будущие декорации или, как говорят в театре, «эскизы», их путь лежит дальше, к человеку, который будет всё это строить. Но пока только в маленьком размере. Этот человек — макетчик. Чего только он не умеет делать! Вот он смастерил стол, на нём чернильницы и телефон. Но размер этого стола... не больше спичечной коробки. А какие же на таком столе чернильницы? Не больше маленькой бусинки. И всё это сделано совсем по-настоящему.

Разные комнаты, вещи, деревья, корабли, пушки приходится делать макетчику. И поэтому на столе и в ящиках макетной вы увидите обрезки бар-

хата и проволоку, кусок меди и серебряную бумагу, картон и фанеру, сетку и пуговицы, крючки и какие-то винтики, цветные стёкла и кусочки войлока, полоски цветной кожи и марлю... Если понадобится сделать весенние деревья — макетчик выкрасит марлю в зелёный цвет и из неё сделает крошечные листики. Понадобится граммофон — он из кусочка латуни делает раструб. Всё когда-нибудь пригодится ему в работе.

Макет декорации понадобится многим. Актёры увидят те места, в которых им придётся потом играть, рабочие сцены увидят, как будут ставиться декорации, осветители решат, каким светом лучше освещать сцену, в мастерских, где будут строить декорации, мастера наглядно увидят, что им придётся делать...

3. ОЖИВШЕЕ ДЕРЕВО

СПРОСИТЕ у Ивана Павловича Фонрау, какая у него профессия. Он ответит: слесарь, маляр, столяр, художник, скульптор, резчик по дереву и металлу, механик. А мы скажем короче: он — бутафор.

В спектакле «Стальной перстень» стоит берёзка, — с приходом Весны она оживает. Появляются зелёные листочки, берёзка машет своими ветками, как бы приветствуя Весну. В том же спектакле на крыше домика лесничего тает снег. И берёзку, и снег, и весь «механизм» таиния сделал бутафор. Страшные деревья заколдованного леса ветвями захватывают в свои объятия путника, волшебный посох странника сам идёт по дороге, избушка бабы-яги передвигается по дремучему лесу... Всё это сделано в бутафорской мастерской.

Иван Павлович любит трудные задачи. Перед тем как приступить к работе, он передумает и перепробует много способов решения, пока не найдёт совсем простого. А самое простое решение трудней всего найти. Но И. П. Фонрау настойчиво и упорно пробует, прикидывает, рассчитывает. В ход идут рубанки всех размеров, стамески, зубильца, разные ножички, наборы резцов, паяльники и десятки других инструментов. С увлечением

работает мастер. Проходит некоторое время и в мастерской появляется коза, как живая: вот-вот боднёт рогами.

4. ЛИСА И КОРОЛЬ НА ВЕШАЛКЕ

КАЖЕТСЯ, что ты вошёл в магазин готового платья. На вешал-

ках пиджаки, платья, халаты, шубы. Но вот что странно — всё это висит в каком-то беспорядке: — зимняя шуба, а рядом с ней пионерская форма, потом шинель, белый халат, тулуп... Может быть, это музей одежды? Но дальше ты видишь что-то уж совсем удивительное — рядом с королевской мантией висит лисица. Да, обычная

рыжая лиса. Кроме того, тебя смущает разговор, который ты здесь слышишь.

— Повесьте Филиппова, снимите отсюда Казаринову, и мы освободим место для Шифмана.

— Дайте мне плечи Сивицкого.

— А куда упаковали Охитину?

— Отдайте волка в ремонт.

— Они уже, наверно, прострочили Кота? Позвоните, узнайте.

— Пожалуйста, не спутайте галок.

— А Шевченко уже уложили? Не забудьте, что его прежде надо отпарить.

И чем больше ты слушаешь, тем меньше понимаешь.

Но всё объясняется просто — мы находимся в костюмерной театра. И это заведующая костюмерной Евгения Михайловна Некрасова разговаривает со своими работниками.

Конечно, здесь не «вешают» Филиппова, не «утюжат» Шевченко. Речь идёт о костюмах, в которых они играют. Сейчас в костюмерной собирают костюмы на вечерний спектакль. А в одном спектакле встречаются солдат и медведь, волк и пионер! Теперь ты понимаешь, что в ремонт будет отдан костюм «волка», а не живой волк.

Костюмов в театре очень много. В каждом спектакле их бывает по 40—60, а в иных более 100. Надо, чтобы все костюмы были чистыми, выглаженными. И надо ничего не спутать. Потому что, представь себе, как бы выглядел актёр, играющий купца, одетый в костюм какого-нибудь предводителя африканского племени? На голове у него торчали бы перья, с плеч спадали цветные ленты, а на ногах блестели русские сапоги.

5. МОЖНО СДЕЛАТЬ ЛЮБУЮ ПОГОДУ

КАК ярко сияет солнце в ясный летний день! В морозный зимний полдень, когда снежок поскрипывает под твоими ногами, солнце светит совсем иначе. А какая бывает необыкновенная луна!.. На сцене тоже бывает солнечный день, морозное ясное утро, лунная ночь, все времена дня и года. Любая погода создаётся в театре осветителями.

Это они придумали разные аппараты и приспособления. Стоит только повернуть ручку — и пойдёт снег, нажать вторую — и небо быстро покроется тучами, мелькнёт молния, полёт дождь. Но им ничего не стоит сейчас же утихомирить ливень и сделать безоблачный ясный день. Пожар, который они устраивают на сцене, никто ничем не может потушить. И он погаснет только, если повернуть обратно ручку. Осветители в театре — это волшебники. Да что там дождь или метель! Простую керосиновую лампу без них в театре никто не сможет зажечь.

На сцене нельзя иметь дело с керосином, он может пролиться, а это грозит настоящим пожаром. Но осветителям и не нужен керосин. Они спрятали в лампе маленькую лампочку и батарейку, а актёр, подкручивая фитиль, её включает. И лампа горит как настоящая.

В электробудке очень интересно побывать. Сверкают рубильники, гудят трансформаторы, шевелятся стрелки электроизмерительных приборов, тянутся шнуры, их очень много. Сразу во всём и не разберёшься.

Тут же стоит регулятор — главная машина, на которой много ручек. От поворота той или другой на сцене может возникнуть или тёмный вечер, или дождь, или снег.

Умные аппараты есть у осветителей театра. Но для их создания понадобились и выдумка, и фантазия, и большой труд.

Много лет работают в театре художники-осветители А. К. Шашура и А. А. Кузьмин. Ты их не знаешь, но вас они хорошо видят из окна электробудки. И очень рады, когда вам нравится снег, который они пустили.

6. НА ВОЗВЕДЕНИЕ ДВОРЦА — 23 СЕКУНДЫ

ЧАСТО, когда гаснет свет и одна картина сменяется другой, ты шумишь и нетерпеливо аплодируешь. Тебе кажется, что сцену надолго тебя оторвали от героев спектакля. А на самом деле проходит не больше 20—25 секунд и снова продолжается спектакль. Только теперь на сцене вместо сада — красивый дворцовый зал. 20—

25 секунд! Ты никогда не задумывался о том, какой это маленький срок и как много сделано за эти секунды на сцене? А вот попробуй дома последить за стрелкой на часах и за тем, что ты успеешь сделать за эти секунды. Даже сложить аккуратно учебники и тетради в портфель не успеешь.

А в театре рабочие сцены, которые заняты сменой декораций, успевают сделать многое. Молниеносно исчезает школьный кабинет физики и появляется лужайка в лесу.

Это в считанные секунды сделали рабочие сцены и сделали в полной темноте, которая отделяет одну картину спектакля от другой.

Машинист сцены — Анатолий Николаевич Ожигин около 30 лет работает в театре, руководя рабочими сцены. Сейчас ставятся декорации к вечернему спектаклю. Рабочие принесли в зал совершенно непонятные детали. Какие-то отдельные балки, рамы, несколько дверей, кубы без дна и крышек, половинки окон... А для А. Н. Ожигина и его товарищей здесь всё совершенно ясно. Каждая деталь точно подгоняется к другой, рядом пристраивается вторая, третья, и постепенно у тебя на глазах вырастает комната.

Надо очень точно знать своё дело, очень слаженно и быстро работать, чтобы в полной темноте, за несколько секунд убрать одну декорацию и заменить её другой.

Прошло 23 секунды, и началась новая картина. Рабочие сцены уступили место актёрам, и спектакль продолжается.

7. КОРАБЛЬ СТРОИТСЯ

ГДЕ строится корабль? Ну, конечно, на берегу моря, чтобы его можно было сразу спустить на воду. А мы сейчас приведём тебя в комнату и там тоже строится корабль.

Кругом доски, стружки, опилки. Никакой воды, даже поблизости. И всё же корабль строится! На нём под чёрным флагом плывут пираты за сокровищами на необитаемый остров.

Но вот что удивительно: плыть на этом корабле явно нельзя. Он только с виду похож на настоящий. А внут-

ри и сзади некрашенные доски и даже сам корабль обрезан наполовину.

Но ведь мы с тобой в столярной мастерской театра. И мастера, работающие здесь, совсем не кораблестроители.

Сегодня они строят корабль, а завтра — море для него, а послезавтра — пески африканской пустыни.

Здесь работают столяры и плотники. Они умеют делать всё, что требуется для очередного спектакля.

Павел Алексеевич Ермаков, который стоит рядом с тобой, считает, что работать здесь очень интересно.

А разве в самом деле это не интересно? При помощи пилы и рубанка можно сделать самые разные вещи.

И материал самый простой — доски, клей и гвозди.

Поют инструменты в руках мастеров, летит свежая стружка... И простая доска превращается то в нос корабля, то в землянку, то в диван или необыкновенный трон.

А когда начинается спектакль и впервые перед тобой появляются декорации, ты часто хлопаешь в ладоши, потому что тебе очень понравилось всё, что увидел.

8. ЗВУКИ ЛЕЖАТ В КОРОБКЕ

СТОИТ микрофон на подставке, а перед ним... собака. Какой-то человек дразнит собаку, она лает.

— Стоп! — командует звукооператор Александр Наумович Авербух. — Давайте послушаем. Включайте запись!

Его помощник включает аппарат. Раздаётся лай собаки. Люди, находящиеся в комнате, несколько раз прослушивают лай, но приходят к выводу, что это «не тот лай, который нужен». Кому же нужен собачий лай, да ещё какой-то особый? Мы с тобой за кулисами театра, и поэтому не будем удивляться. Это записывают на плёнку магнитофона «лай» для очередного спектакля. По пьесе в соседнюю комнату пробрались подозрительные люди, и там овчарка свирепо набрасывается на них. А сейчас собака перед микрофоном просто «лает», и даже добродушно, а не свирепо.

Что же делать? Но выход есть. Надо пригласить человека, который умеет подражать различным звукам.

Собака не понимает, чего от неё добиваются, а человек сразу поймёт и изобразит нужный характер «собачьего лая». А когда пойдёт спектакль и ты услышишь этот лай, он тебе покажется настоящим, ты согласишься, что за дверью действительно свирепо лает огромная овчарка. А это будет просто магнитофонная запись. А пока этот звук лежит... в коробке. В коробках лежат разные звуки: «пенье петуха», «дождь», «очень сильный дождь с ветром», «скрип двери», «голоса весенних птиц», «шаги толпы» и много других.

Некоторые звуки записываются настоящие — с микрофоном выезжают, чтобы записать в лесу пение птиц или шум поезда. А некоторые звуки создают в комнате. Надо быть изобретательным, чтобы найти подходящие предметы для изображения различных звуков. Надо любить это кропотливое дело. И хотя человека этой профессии ты тоже не видишь на сцене, он работает с удовольствием. Ведь и его труд помогает созданию спектакля.

9. ЧУДЕСНОЕ ЗЕРКАЛО

ПОДОЙДЯ поближе, так, чтобы не мешать, посмотри из-за плеча сидящего мужчины в зеркало. Ты увидишь знакомое тебе лицо заслуженного артиста РСФСР Николая Леонидовича Карамышева.

Перед зеркалом лежит коробка с особыми красками, бутылочка с кисточкой, тряпочка, ещё какие-то баночки. Рядом стоит женщина в белом халате. А теперь выйдем и заглянем в это же зеркало через 20—30 минут. Та же женщина, те же предметы, то же зеркало, но в нём не видно Николая Леонидовича.

Кого же нам напоминает лицо, которое мы видим? Конечно, всякий раз, когда мы с тобой читаем в сказках про злую бабу-ягу, мы её представляем именно такой. Это и есть бабу-яга из сказки Е. Шварца «Два клёна», которую играет Н. Л. Карамышев. Взлохмаченные, запутанные волосы, бородавки на лице, искривлённый рот, глубокие морщины, худая, костлявая шея совершенно изменили артиста.

Какое неприятное лицо! А гримёр Тамара Иосифовна Макарова довольна. Это она помогла актёру стать «похожим» на бабу-ягу. Она сделала этот парик, она приготовила «пластырь», благодаря которому у актёра появилась такой курносый и такой «нахальный» нос и бородавки. Очень давно работает Т. И. Макарова в театре. Во время Великой Отечественной войны она ушла на фронт и выносила раненых из-под огня, а после войны снова вернулась к своей любимой работе. Рядом с ней работают и её товарищи, другие гримёры театра.

Десятки париков, бород, усов, кос надо расчесать, завить, подкрасить — приготовить для спектакля.

В спектакле «Хижина дяди Тома» многие действующие лица были неграми. Потребовалось сделать краску, которой актёры покрывали шею, руки, лицо, чтобы создать цвет кожи негра.

Пираты из «Острова сокровищ», которые всегда плавают в открытом море, под палящим солнцем, на каждом спектакле должны быть загорелыми. Им помогают «загореть» за несколько минут гримёры.

Чтобы превратить артиста в медведя, ему сделали маску, очень гибкую, из резины, и морда «медведя» получилась живой.

С помощью гримёров в спектакле «Оловянные кольца» садовник Зербино в одну секунду превращается из уродя в красавца. Просто можно сказать, что в гримёрной делаются всякие чудеса.

10. КТО ДАЁТ КОМАНДУ

В КАЖДОЙ футбольной команде среди игроков есть капитан команды. Когда командир направляет нескольких солдат в разведку, одного из них он назначает старшим. Когда ты с ребятами идёшь на экскурсию, с вами идёт руководитель.

И в театре на каждом спектакле есть старший. Это — помощник режиссёра. Он отвечает за весь спектакль, он руководит всеми, кто работает сегодня в театре.

Помощник режиссёра сидит вместе с тобой в зале на специальном месте. Перед ним столик, на котором кнопки, рычажки, телефон. Из зала помощник следит за всем, что происходит на сцене, и даёт команду. Для этого и нужны кнопки и рычажки. Каждый рычажок — это сигнал на сцену. Зажигается сигнал — и за сценой гремит гром, нажимается кнопка — начинает играть оркестр, гаснет свет. Но

вый сигнал рычажка — и раздаётся где-то вдалеке пулемётная стрельба или крик петуха. Без этих сигналов все, кто работает за сценой, не могли бы вовремя дать выстрел или начать песню — ведь они не видят, что происходит на сцене.

Все работники театра во время спектакля обязаны исполнять любые распоряжения помощника режиссёра. В театре очень строгая дисциплина. В антракте, когда зрители и актёры отдыхают, помощник режиссёра продолжает работать. Он должен проверить, все ли успели загримироваться для следующего действия, правильно ли поставлена декорация, всё ли приготовлено из бутафории. Прошли 15 минут антракта. Помощник режиссёра — Лидия Борисовна Китерман вновь идёт в зал, садится недалеко от тебя и даёт команду начинать следующее действие. А ты даже и не догадываешься, что от неё во многом зависит, как пройдёт сегодня спектакль.

11. ЕЩЁ ОБ ОДНОЙ ПРОФЕССИИ

КОГДА ты был маленьким, у тебя было много разных игрушек. Вспомни, есть такая игрушка: на палочку один за другим надеваются в определённом порядке разноцветные кружочки с отверстиями посередине. Если ты их правильно складывал, получалась красивая фигурка — пирамида. Спектакль в театре — это тоже что-то вроде пирамиды. Очень много кружочков надо правильно сложить, чтобы получился хороший спектакль. Эти кружочки: актёрская игра, свет, костюм, грим, декорация, музыка, мебель, шум ветра и многое другое. А складывает их, соединяет вместе, ещё один работник театра, которого ты на сцене не видишь, — режиссёр. Это он решает, в каком месте должен играть оркестр, какая должна быть музыка, какую декорацию надо построить... Он проверяет и утверждает костюм и грим актёра, он устанавливает нужный свет на сцене, количество и силу выстрелов за кулисами, он

репетирует с актёрами. За 3—4 месяца до выпуска спектакля актёры начинают репетировать с режиссёром пьесу. А в цехах уже лежат чертежи, рисунки, записи, самые разнообразные задания. Это всё подготовлено режиссёром, всё им заранее решено. Каждый день после репетиции режиссёр заходит во все цехи театра: встречается с художником и композитором, проверяет, как готовят декорацию, правильно ли делают костюмы, удалось ли установить нужный свет на сцене, какую бутафорию изготовил мастер. Все советуются с ним, он руководит всеми работами по подготовке спектакля.

А когда наступают последние репетиции, в театре они называются «генеральными», по указанию режиссёра всё, что подготовлено к спектаклю, устанавливается на сцене. Всё десятки раз уточняется, исправляется, проверяется до тех пор, пока режиссёр не найдёт, что всё сделано хорошо и правильно.

Одна пьеса совсем не похожа на другую. Каждая пьеса — это новая задача для режиссёра, и решать её каждый раз надо по-новому. Под руководством режиссёра работает большой коллектив самых разных по своей специальности работников.

Режиссёр должен хорошо понимать и знать профессию каждого мастера в театре, особенно хорошо знать и уметь работать с актёрами. И хотя мы называли режиссёра самым последним, профессия эта в театре очень важная.

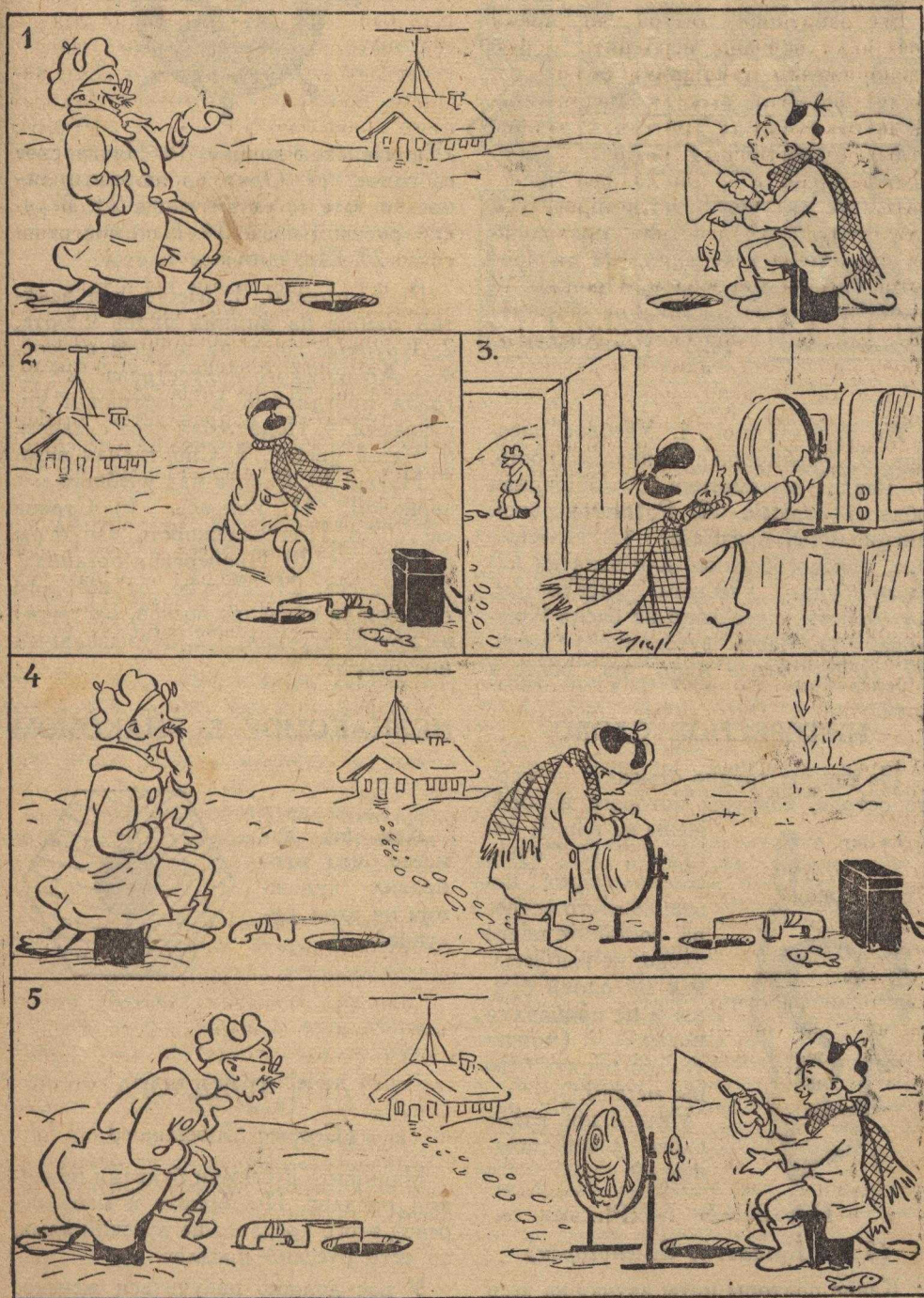
* * *

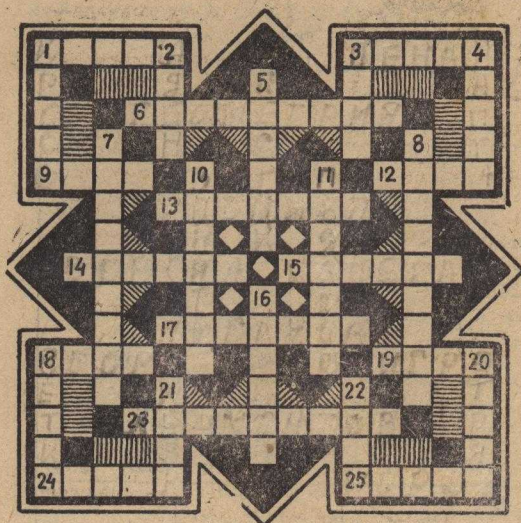
Мы тебе рассказали о некоторых людях, которых ты не видишь на сцене во время спектакля.

Каждый человек в театре имеет свою особую специальность, занимается своим делом. Но есть определённые качества работника, которые обязательны для каждого. Это — большое мастерство, знания, упорство, настойчивость, терпение и любовь к театру, к тебе — нашему зрителю, к своему труду.

Смеётся тот, кто смеётся последним

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

«Капитанская дочка». 18. Пионерское собрание. 19. Одно из любимых тобою, читатель, развлечений. 23. Великий русский поэт. 24. Единица силы тока. 25. Праздничное платье.

По вертикали. 1. Место для занятий одним из зимних видов спорта. 2. Крупный порт на южном побережье Аравийского полуострова. 3. Награда победителю в спортивном состязании. 4. Подвижная игра с мячом. 5. Часть цветка. 7. Спортивная игра. 8. Наука. 10. Работа над учебным материалом. 11. Учитель. 16. Страна света. 18. Принадлежность для игры в волейбол. 20. Пионерская организация класса. 21. Дерево, от которого произошло название орехов, растущих на других деревьях. 22. Музыкальный инструмент.

По горизонтали. 1. Учебное пособие. 3. Ученическая принадлежность. 6. Раздел математики. 9. Обширная область страны. 12. Раздел учебной дисциплины, предмета. 13. Помещение, приспособленное для занятий каким-нибудь учебным предметом. 14. Действующее лицо из басни Крылова. 15. Часть футбольного мяча. 17. Действующее лицо из повести

ИНТЕРЕСНОЕ СЛОВО

Не так уж трудно отыскать на карте остров, контуры которого изображены на нашем рисунке...

Из букв, составляющих название этого острова, составьте новое слово, не выбрасывая ни одной буквы и не прибавляя новых (можно только менять буквы местами).

Интересно, какое слово у вас получится?

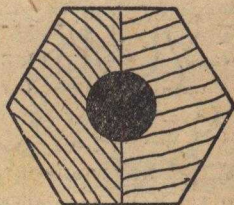
НА ВЕСЬ МИР!..

(Таня Кугаро, г. Зеленогорск)

Какие полторы ноты звучат на весь мир?

НЕЗНАКОМОЕ В ЗНАКОМОМ

Как вы думаете, что изобразил художник на этом рисунке?

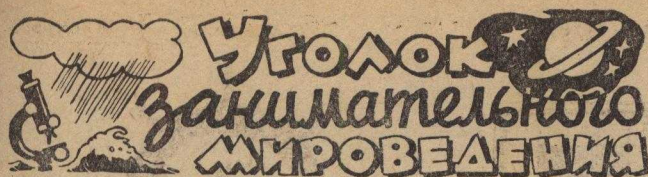

ДВА ПРЕДЛОГА

(Серёжа Боровиков)

Напишите русскими буквами немецкий предлог. Припишите к нему перевод этого предлога на русский язык, то есть русский предлог.

У вас должно получиться женское имя.

ПЯТАЯ СЕРИЯ

Ответы на вопросы четвёртой серии

1. За какой промежуток времени день в Ленинграде увеличится больше: за 31 день января или за 28 дней февраля?

2. К какому числу января день в Ленинграде увеличится на целый час (от 22 декабря)? А когда на 2 часа?

3. В чём смысл мудрой народной поговорки: «Чем больше снега, тем больше хлеба»?

4. Под каким снежным покровом озимым посевам теплее: при рыхлом или при плотном снежном покрове?

5. Если десятилитровую банку до краёв наполнить рыхлым, только что выпавшим снегом (не уплотняя его), а затем нагреть эту банку, — много ли по объёму получится воды?

6. Во сколько раз лыжник оказывает меньше давления лыжами на снег, чем тот же человек в обычной обуви? Почему?

7. Если топор или пилу, которые находились длительное время вне здания при морозной погоде, внести в жилое помещение, то металлические части этих предметов покроются каплями воды. Откуда взялась эта влага?

8. Почему мы легко скользим на коньках по льду, но это не получается на гладком, даже натёртом паркетном полу?

9. Где легче поскользнуться и упасть: на гладкой чистой ледяной дороге или на слегка запорошённой снегом? Почему?

10. Находясь зимой в лесу, попытайтесь сами найти несколько примет по определению сторон горизонта (используя снежный покров).

В. И. ПРЯНИШНИКОВ,

учёный секретарь Ленинградского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества при Академии наук СССР

проходит по меридиану 180° . Встречая же на пути сушу, линия начала новых суток огибает её по ближайшему водному пространству. По этой причине «граница дат» (так называется эта линия) значительно отодвигается вправо от меридиана 180° — в Берингов пролив. Здесь на мысе Дежнева (в самом восточном пункте Азии) начинаются каждые новые сутки, а следовательно, и новый, 1958 год.

2. В тот момент, когда на мысе Дежнева наступит 24 ч. 00 м., в Ленинграде будет 14 часов 31 декабря 1957 г.

3. Около 10 минут.

4. С 22 по 31 декабря прирост дня в Ленинграде будет около 10 минут, а с 1 по 10 января, то есть в течение следующей декады, уже на 22 минуты.

5. В Мурманске — за Полярным кругом до 20 января будет продолжаться полярная ночь, в течение которой солнце не поднимается над горизонтом.

6. В январе обычно чаще бывают солнечные дни, чем в декабре. Однако солнце в январе ещё очень мало поднимается над горизонтом (даже в полдень), а потому его скользящие лучи дают мало тепла. Поэтому в таких случаях земная поверхность больше отдаёт своего тепла, чем получает его от солнца. В результате с середины января и до первой половины февраля наступает обычно более холодная погода, чем в декабре. Это явление уже давно подмечено наблюдательными людьми, придумавшими поговорку-примету: «Солнце на лето, зима на мороз».

7. При облачном покрове земная поверхность зимой меньше отдаёт тепла (см. ответ № 6).

8. Снег может выпадать только при облачном небе; облака же предохраняют земную поверхность от охлаждения (как одежда). Сильные же морозы происходят при ясном небе.

9. При ветре воздух, соприкасающийся с лицом и обнажёнными руками, отгоняется, и к указанным частям тела подтекают новые воздушные потоки, которые отнимают тепло от тела при температуре ниже нуля. Поэтому чувствуется озноб даже при небольшом морозе. При тихой погоде, даже при морозе до 10 градусов, воздух, окружающий наше тело, от него нагревается и лишь очень медленно замещается новым.

10. В декабре ракету-носитель можно было видеть один раз в самом начале месяца, перед её разрушением.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш праздник. Стихотворение Сергея Макарова	1
Будет ёлка во дворе. Стихотворение Л. Гаврилова и В. Суслова	2
Тимуровское ОКО. Рассказ А. Валевского	6
Некогда! Шуточная песенка для голоса с форте- пьяно. Музыка и текст Н. Садового	11
Рядовой пехотного полка. Стихотворение Эд. Та- лунтиса	12
Бессмертный подвиг пограничника. Очерк А. Саенко	14
О мужестве, о верности, о долге. Фронтовые очерки Арифа Сапарова	18
Последний день германского фашизма. Воспоминания Л. Маграчёва	27
Застава на границе. Текст Л. Шестакова к фото- очерку Г. Лугового (на внутренних сторонах обложки)	34
Завтра нашей Родины. «Говори! Я вижу!» Статья А. Томилина	36
Почитайте, малыши! Утром. Татка вышивает. Дождь. Стихи Сергея Скаченкова	41
Приказ командира. Рассказ Л. Давыдычева	42
Озорник наказан. Рассказ в рисунках К. Бекташева	47
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	48
Кого ты не видишь. Статья С. Диманта и М. Краснера	53
Смеётся тот, кто смеётся последним. Рассказ в ри- сунках К. Бекташева	61
Клуб смекалистых ребят	62
На первой и четвёртой страницах обложки — рисунки К. Бекташева.	
На второй и третьей страницах обложки — фотоочерк Г. Лугового «Застава на границе» (текст на 34-й стра- нице).	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 21/XII 1957 г. Подписано к печати 16/I-58 г. 4 печат. листа. Учет.-изд. 5,7.
М-03517. Заказ № 1751. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль Тираж 75 000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Лит. № 72 Учен.

Цена 1 рубль

